

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

*АРХЕТИПЫ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

*АРХЕТИПЫ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9

ББК 88.3

Ю50

Серия «Эксклюзивная классика»

C. G. Jung
DIE ARCHETYPEN UND DAS KOLLEKTIVE
UNBEWUSSTEN —
Archetypes and the Collective Unconscious
(Collected Works, Volume 9.1)

Перевод с немецкого *А. Чечиной*

Дизайн обложки *А. Чаругиной*

Печатается при содействии литературного агентства
Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Архетипы и коллективное бессознательное / Карл Густав Юнг ; [перевод с немецкого А. Чечиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-117179-7

Данный том включает в себя наиболее известные работы «Архетипы коллективного бессознательного», «Концепция коллективного бессознательного» и «Психологические аспекты архетипа матери».

В этих работах автор развивает основные положения аналитической психологии, подробно раскрывая перед читателем ключевые понятия своей теории и свой метод в целом.

УДК 159.9

ББК 88.3

ISBN 978-5-17-117179-7

© Walter Verlag AG, Olten, 1971

© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Чечина, 2018

Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Архетипы коллективного бессознательного¹

¹ [Впервые очерк опубликован в 1934 г. в журнале *Eranos-Jahrbuch*. В переработанном виде вошел в сборник *Von den Wurzeln des Bewusstseins* (Цюрих, 1954).]

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

¹ Гипотеза о коллективном бессознательном принадлежит к классу тех научных идей, которые поначалу кажутся странными, но быстро превращаются в хорошо известные и привычные концепции. Именно это произошло с понятием бессознательного в целом. Так, философская идея бессознательного, преимущественно сформулированная Карусом и фон Гартманом, сперва бесследно исчезла, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, а затем вновь появилась, но уже в области медицинской психологии.

² Изначально предполагалось, что содержание бессознательного включает лишь вытесненные или забытые элементы. Даже у Фрейда, который рассматривает бессознательное — по

крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, оно, по сути, остается не чем иным, как скоплением забытых и вытесненных содержаний, что и обуславливает его функциональную значимость. С этой точки зрения бессознательное носит исключительно личный характер¹, хотя даже Фрейд признавал наличие в нем архаических и мифологических мыслеформ.

³ Более или менее поверхностный слой бессознательного, несомненно, является личным. Я называю его *личным бессознательным*. Однако личное бессознательное покоится на другом, более глубинном слое, который формируется отнюдь не из личного опыта. Этот врожденный глубинный слой я называю *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективный», ибо эта часть бессознательного имеет не индивидуальную, а всеобщую природу; в противоположность личной составляющей психики, она включает содержания и модели поведения, которые встречаются повсюду и у всех индивидов. Другими словами, коллективное бессознательное одинаково у всех людей, обра-

¹ В более поздних работах Фрейд разграничивает инстинктивную составляющую психики «ид» и коллективное сознание «супер-эго», в рамках которого индивидуальное носит частично сознательный и частично бессознательный характер (так как подавляется).

зую тем самым универсальный психический субстрат сверхличной природы, который присутствует в каждом из нас.

- 4 О психической жизни человека можно судить лишь по тем ее элементам, которые способны *проникнуть в сознание*. Следовательно, мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой можем продемонстрировать его содержание. Содержание личного бессознательного главным образом составляют так называемые *эмоционально окрашенные комплексы*, образующие личную и интимную стороны психической жизни. Содержание коллективного бессознательного, напротив, представлено так называемыми *архетипами*.

- 5 Термин «архетип» встречается уже у Филона Александрийского¹ в контексте *Imago Dei* (образа Божьего) в человеке. Также его можно обнаружить у Ириней Лионского: «...мироиздатель сотворил их не от самого себя, но заимствовал из чужих первообразов»². В *Corpus*

¹ *De opificio mundi*, I, § 69. [Перевод на рус. яз. см.: Филон Александрийский. *О сотворении мира согласно Моисею*. — Примеч. пер.]

² *Adversus haereses*, кн. II, гл. 7, абз. 5: «Mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed de alienis archetypis transtulit». [Перевод на рус. яз. см.: Ириней Лионский. *Против ересей*. — Примеч. пер.]

*Hermeticum*¹ Бог представлен как τὸ ἀρχέτυπον φῶς (архетипический свет). Понятие архетипа несколько раз встречается у Дионисия Ареопажита, например в его сочинении «De caelesti hierarchia» (II, 4; «нематериальные архетипы»²) и в сочинении «De divinis nominibus» (I, 6; «архетипический камень»³). Хотя Блаженный Августин само слово «архетип» не употребляет, в своем трактате «De diversis quaestionibus LXXXIII» он говорит об *ideae principales*, которые представляют собой «некие первичные формы или замыслы вещей... сами не получившие форму... и заключены они в Божественном разумении»⁴. «Архетип» — объяснительная парафраза платоновского εἶδος. Для

¹ Scott, *Hermetica*, I, стр. 140.

² Migne, *P.G.*, vol. 3, col. 144.

³ Там же, col. 595. См.: *The Divine Names* (пер. Rolt), стр. 62, 72.

⁴ Migne, *P.L.*, vol. 40, col. 30. В аналогичном смысле термин «архетип» использовался алхимиками, например в «Tractatus aureus» Гермеса Трисмегиста (*Theatrum chemicum*, IV, 1613, стр. 718): «Как Бог [хранит] все сокровища своего божественного разума... в себе как в сокровенном архетипе [*in se tanquam archetypo absconditum*]... так и Сатурн скрывает в себе подобия металлических тел». В «Tractatus de igne et sale» Вигенеруса (*Theatr. chem.*, VI, 1661, стр. 3) говорится, что мир «ad archetypi sui similitudinem factus» (сотворен по подобию своего архетипа), а потому называется «magnus homo» («homo maximus» Сведенборга).

наших целей использование термина «архетип» в высшей степени уместно и целесообразно: он подразумевает, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем в виду древнейшие или, лучше сказать, первозданные элементы этого содержания, то есть универсальные образы, существующие с незапамятных времен. К содержанию бессознательного равно применим и термин «*représentations collectives*» (*фр.* — «коллективные представления»), предложенный Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном представлении о мире и подразумевающий практически то же самое. Примитивные родоплеменные знания тесно связаны с архетипами, видоизмененными особым образом. Это уже не элементы бессознательного; они превратились в осознаваемые формулы, которые по традиции передаются в виде тайных учений. Последние представляют собой типичное средство выражения коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

- ⁶ Другим распространенным выражением архетипов являются мифы и сказки. Впрочем, и здесь мы имеем дело со специфическими формами, которые передавались от поколения к поколению достаточно длительный период

времени. Таким образом, термин «архетип» применим к «représentations collectives» лишь косвенно, ибо обозначает только те элементы психического содержания, которые еще не подверглись какой-либо сознательной обработке и, следовательно, представляют собой непосредственную психическую данность. В этом смысле архетип как таковой существенно отличается от формул, возникших в ходе исторического развития. В частности, на высших уровнях тайных учений форма, в которой предстают архетипы, свидетельствует о решающем влиянии их сознательной переработки. Непосредственные манифестации архетипов, с которыми мы сталкиваемся в сновидениях и видениях, более индивидуальны, менее понятны и более наивны, чем, например, в мифах. Это происходит потому, что архетип — а именно бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия, — приобретает особый оттенок под влиянием того индивидуального сознания, в котором возникает¹.

¹ Необходимо различать «архетип» и «архетипические идеи». Архетип как таковой представляет собой гипотетическую, недоступную представлению модель, схожую с «паттерном поведения» в биологии. См.: *О природе психе*, разд. 7.

Если формальное значение слова «архетип» явственно проступает в его связях с мифом, тайным учением, сказкой, то установить, что такое архетип с *психологической* точки зрения, гораздо сложнее. До сих пор мифологи опирались на солярные, лунарные, метеорологические и другие подобные представления. При этом никто не обращал внимания на то, что мифы — это прежде всего психические явления, обнажающие естество нашей души. Первобытный человек не склонен к объективному описанию очевидного, однако испытывает настоятельную потребность — точнее, его бессознательному свойственно непреодолимое стремление — уподобить весь внешний опыт внутренним, психическим событиям. Ему недостаточно просто видеть, как встает и заходит солнце, — эти внешние наблюдения должны стать психическими событиями, то есть движение солнца должно представлять судьбу бога или героя, обитающего, по сути, в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, такие как лето и зима, фазы луны, сезоны дождей и так далее, есть не столько аллегория¹ объективных явлений,

¹ Аллегория — перефразирование осознаваемого содержания; символ — наилучшее возможное выражение неосознаваемого содержания, о природе которого можно только догадываться, ибо оно еще не известно.

сколько символические выражения внутренней бессознательной драмы, доступной человеческому сознанию через проекцию, то есть отражение в явлениях природы. Такая проекция носит столь фундаментальный характер, что потребовалось несколько тысяч лет, чтобы хоть как-то отделить ее от внешнего объекта. Так, астрологию, эту древнейшую «scientia intuitiva», объявили лженаукой, ибо ее сторонники ставили психологическое описание характера в зависимость от звезд. Этот предрасудок жив и по сей день. Тем не менее каждый, кто способен исчислить гороскоп, должен знать, что со времен Гиппарха Александрийского точкой весеннего равноденствия считается 0° Овна. Следовательно, знаки зодиака, на которых основывается любой гороскоп, весьма произвольны, поскольку с тех пор эта точка сместилась в силу прецессии к началу Рыб.

- ⁸ Учитывая поразительную субъективность первобытного человека, нам давным-давно следовало догадаться, что мифы относятся к сфере психического. Его знания природы по сути представляют собой язык и внешние проявления бессознательного психического процесса. Именно в силу этой бессознательности при толковании мифов человек обращался

к чему угодно, но только не к психическому. Он просто не знал, что психика содержит в себе все те образы, которые дали начало мифам, и что наше бессознательное является одновременно действующим и претерпевающим действия субъектом, внутреннюю драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в природных явлениях — как больших, так и малых¹.

- ⁹ «В твоей груди, и только в ней, заключены все звезды твоей судьбы»², — говорит Илло Валленштейну. Пожалуй, это изречение могло бы удовлетворить всех астрологов, если бы мы хоть немного знали о тайнах сердца. К несчастью, до сих пор наши знания этого предмета были крайне ограничены. Я даже не решусь утверждать, что сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону.

- ¹⁰ Родоплеменные знания всегда священны и опасны. Все тайные учения стремятся постичь невидимые психические события, и все

¹ См. мои очерки о божественном ребенке и Коре, включенные в полное издание, а также сопутствующие эссе Кереньи в сборнике *Einführung in das Wesen der Mythologie*.

² [Шиллер Ф. Пикколомини. II, 6. — Здесь и далее приводятся примечания редактора к изданию на немецком языке.]

они претендуют на высший авторитет. Еще в большей степени это справедливо по отношению к господствующим мировым религиям. Они содержат изначально сокровенное знание и представляют тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания провозглашают в образе и слове освященную древностью доктрину, делая ее таким образом доступной каждому верующему сердцу, каждому чуткому глазу, каждому, даже самому дальнему, уголку человеческого разума. На самом деле мы вынуждены признать, что чем прекраснее, величественнее, полнее этот передаваемый традицией образ, тем дальше он от индивидуальных переживаний. Мы можем лишь ощупью найти путь к нему, что-то почувствовать, но изначальный опыт давно утрачен.

- ¹¹ Почему психология является самой молодой из эмпирических наук? Почему бессознательное не было уже давно открыто, а его сокровищница вечных образов — поднята на поверхность? Именно потому, что для всего психического мы имели религиозную формулу, причем намного более стройную и всеохватывающую, нежели непосредственный опыт. Хотя для многих христианское видение мира поблекло, сокровищницы символов Востока

по-прежнему полны чудес, которые еще долго смогут питать нашу страсть к зрелищам и новым нарядам. Кроме того, эти образы — будь они христианскими, буддистскими или еще какими-нибудь — красивы, таинственны, интуитивны. Конечно, чем привычнее они для нас, тем сильнее они стираются от постоянного употребления; в результате от них остается лишь банальная внешняя оболочка и почти лишенная смысла парадоксальность. Таинство Непорочного Зачатия, единосущность Отца и Сына или Троица, не являющаяся тем не менее простой триадой, больше не окрыляют фантазию философов. Они превратились в собственно предметы веры. Отсюда неудивительно, что верующий разум и философские измышления образованных европейцев тяготеют к восточной символике — поистине грандиозным индийским представлениям о божественном и безднам философии китайского даосизма. Точно так же сердце и разум античного человека были захвачены в свое время христианскими идеями. Сейчас немало европейцев, которые настолько поддались влиянию христианской символики, что у них не развился кьеркегоровский невроз, или которые, в силу обеднения символики, трансформировали свое отношение к Богу в отношение «Я — Ты», чтобы затем пасть жертвой магии и новизны

восточных символов. Подобное отречение не обязательно означает поражение; скорее, оно доказывает восприимчивость и жизнеспособность религиозного чувства. Нечто похожее мы наблюдаем у образованных представителей Востока, которых нередко привлекают христианские символы и столь чуждая восточному духу европейская наука. Многие даже демонстрируют их завидное понимание. Тяга к вечным образам абсолютно нормальна, для этого они и существуют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, подавлять. Они сотканы из изначального откровения и отражают уникальный опыт божественного. Вот почему они наделяют человека предощущением божественного, одновременно оберегая от непосредственного его переживания. Благодаря усилиям, которые предпринимал человеческий дух на протяжении столетий, эти образы, с одной стороны, запечатлены во всеохватывающей системе мышления, стремящейся упорядочить окружающий мир, а с другой — представлены могущественным, обширным, авторитетным институтом под названием Церковь.

- ¹² Лучшее всего я могу проиллюстрировать вышесказанное на примере недавно канонизированного швейцарского мистика и отшель-

ника, брата Николая из Флюэ¹. Вероятно, его важнейшим переживанием было так называемое видение Святой Троицы, которое он изобразил — или попросил изобразить — на стене своей кельи. Рисунок (его до сих пор можно увидеть в приходской церкви Заксельна) представляет собой разделенную на шесть частей мандалу, в центре которой находится коронованный лик Божий. Сегодня известно, что брат Николай исследовал природу своего видения с помощью иллюстрированной брошюры какого-то немецкого мистика. Много лет он занимался тем, что старался придать своим переживаниям более или менее понятную форму. Я называю это «проработкой» символа. Размышления брата Николая о сущности видения, выраженное влияние на которые оказали мистические диаграммы, использованные им в качестве отправной точки, привели его к выводу, что он, должно быть, узрел саму Святую Троицу — *summit bonum*, вечную любовь. Такое истолкование подтверждает и «подчищенное» изображение, которое поныне можно увидеть в Заксельне.

- ¹³ Первоначальный опыт, однако, носил абсолютно иной характер. То, что увидел брат Николай, оказалось настолько ужасным, что его

¹ См. мой очерк «Brother Klaus».

собственное лицо изменилось, причем столь сильно, что люди стали его бояться. Увиденное им обладало невероятной интенсивностью. Вельфлин¹ — старейший источник, которым мы располагаем на сегодняшний день, — пишет:

Все приходившие к нему с первого взгляда преисполнялись жуткого страха. Сам он объяснял это тем, что видел пронизывающий свет, напоминающий человеческое лицо. Видение было столь устрашающим, что он боялся, как бы его сердце не разорвалось на части. Охваченный ужасом, он тут же отвернулся и упал. Вот почему отныне его собственное лицо стало страшно для других.

- ¹⁴ Это видение по праву сравнивали² с апокалипсическим образом Христа, описанным в Откровении Иоанна Богослова (1:13). По своей отвратительности и необычности его превосходит лишь чудовищный семиглазый агнец с семью рогами (там же, 5:6). Крайне трудно увидеть связь этой фигуры с евангельским Христом. По этой причине ранние источники толковали видение брата Николая строго определенным образом. В 1508 году гу-

¹ Генрих Вельфлин, также известный как Lupulus, родился в 1470 г. Гуманист, преподаватель латыни в Берне. Цит. по: Fritz Blanke, *Bruder Klaus von Flüe*, стр. 92 и далее.

² Там же, стр. 94.

манист Карл Бовиллус (Шарль де Бовель) писал своему другу:

Я хотел бы рассказать тебе о лике, который привиделся ему на небе в звездную ночь, когда он предавался молитве и созерцанию. Он увидел голову человека с ужасным лицом, полным гнева и угрозы¹.

- ¹⁵ Это истолкование вполне соответствует современному развернутому описанию на основе Откровения Иоанна Богослова 1:13². Также не следует забывать и о других видениях брата Николая, например Христа в медвежьей шкуре; Бога Отца, Бога Сына и Богородицы (в данном случае в образе Сына был сам брат Николай) и т.п. Им всем присущи черты, крайне далекие от догматов христианства.

- ¹⁶ С вышеописанным видением традиционно связывали изображение Святой Троицы в зак-

¹ *Ein gesichte Bruder Clausen ynn Schweytz und seine deutunge* (Wittemberg, 1528), стр. 5. Цит. по: Alban Stoeckli, О. М. Сар., *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*, стр. 34.

² Б. Лаво (Lavaud, *Vie Profonde de Nicolas de Flue*) проводит аналогичную параллель с текстом из *Horologium sapientiae* Генриха Сузо, в котором апокалипсический Христос предстает в виде разгневанного мстителя, что резко контрастирует с Христом, читающим Нагорную проповедь. [См.: Сузо Г. *Книжица вечной премудрости*. — Примеч. пер.]

сельнской церкви, а также символ колеса в так называемом «Трактате паломника»¹. Брат Николай, как известно, показал рисунок колеса навестившему его паломнику. Очевидно, оно занимало его некоторое время. Бланке полагает, что, вопреки традиции, между видением и изображением Троицы нет никакой связи². На мой взгляд, подобный скептицизм заходит слишком далеко. Интерес брата Николая к колесу должен иметь основания. Подобные видения часто вызывают смятение и дезинтеграцию (сердце, «разрывающееся на части»). Опыт подсказывает нам, что защитный круг, мандала, является традиционным средством против хаотических состояний духа. Вполне понятно, почему брат Николай был очарован символом колеса. Истолкование ужасного видения как богооткровенного не должно быть также далеко от истины. Связь видения и изображения Троицы в Заксельне, а также связь их обоих с символом колеса, таким образом, кажется мне весьма вероятной, если исходить из психологических соображений.

¹⁷ Это видение было, несомненно, страшным и крайне волнительным. Оно прорвалось в ре-

¹ *Ein nützlicher und loblicher Tractat von Bruder Claus und einem Bilger* (1488).

² Blanke, стр. 95 и далее.

лигиозное мирозерцание брата Николая без всякой догматической подготовки и без экзегетического комментария. Разумеется, потребовалось длительное время для того, чтобы оно ассимилировалось — уложилось в общую структуру психики, и восстановилось нарушенное психическое равновесие. Брат Николай свыкся с этим переживанием благодаря непререкаемым в то время христианским догматам, превратившим нечто ужасное и живое в прекрасную абстракцию идеи Троицы. Однако это примирение могло произойти на иной основе — основе, предусмотренной самим видением и его неестественной реальностью. Это могло привести к искажению христианских представлений о Боге и нанести еще больший вред самому брату Николаю, который в таком случае оказался бы не святым, а еретиком (если не психически больным) и, вероятно, закончил бы жизнь у позорного столба.

- 18 Данный пример свидетельствует о ценности догматического символа: он делает потрясающий, в высшей степени убедительный и важный психический опыт (так называемое «переживание Божественного») доступным нашему пониманию, при этом не только не искажая его сущности, но и не умаляя его чрезвычайной значимости. Видение гнева Божьего, которое

мы также встречаем у Якоба Беме, плохо сочетается с новозаветным Богом — любящим Отцом Небесным, и по этой причине легко могло стать источником внутреннего конфликта. Это вполне бы соответствовало духу того времени — концу XV века, эпохи Николая Кузанского, чья формула «*complexio oppositorum*» фактически предвосхитила неизбежный церковный раскол. Вскоре после этого произошло возрождение яхвистического представления о Боге в протестантизме. Яхве — концепция Бога, содержащего противоположности в еще не разделенном состоянии.

- ¹⁹ Брат Николай сошел с проторенной колеи обычаев и привычек. Он оставил дом и семью, много лет жил в одиночестве. Он глубоко заглянул в темное зеркало и увидел в нем чудесный и страшный свет изначального опыта. В этой ситуации развивавшийся на протяжении многих веков догматический образ божественного сработал как спасительное лекарство. Он помог ему ассимилировать фатальное вторжение архетипического образа и тем самым избежать внутренних противоречий. Ангелусу Силезиусу повезло меньше: его мучил внутренний конфликт, ибо в его время гарантированный догматами авторитет церкви уже пошатнулся.

20 Якоб Беме также говорит о Боге как об «Огне гнева», *Deus absconditus*. Ему удалось преодолеть глубинное и мучительное противоречие с помощью христианской формулы «Отец—Сын» и спекулятивно включить ее в свое гностическое (но в основных пунктах все же христианское) мировоззрение. Иначе он стал бы дуалистом. Кроме того, ему на помощь пришла алхимия, в которой уже давно подготавливался союз противоположностей. Тем не менее его мандала, отражающая природу божественного (приведена в трактате «Сорок вопросов о душе»¹), содержит отчетливые следы дуализма. Мандала поделена на темную и светлую полусферы, развернутые в противоположные стороны².

21 Догматы замещают коллективное бессознательное, формулируя его содержание в большем масштабе. В этом смысле католическому образу жизни абсолютно чужды психологические проблемы. Почти вся жизнь коллективного бессознательного регулируется догматическими архетипическими представлениями и протекает в жестких рамках символики веры и ритуала. Это проявляется в обращенности

¹ Лондон, 1647.

² См. мой очерк «Об эмпирике процесса индивидуации» ниже.

католической психики вовнутрь, ее замкнутости в духовном мире. Коллективное бессознательное, каким мы понимаем его сегодня, ранее никогда не принадлежало сфере «психологии», ибо до христианской церкви существовали античные мистерии, которые в свою очередь восходят к первобытному неолиту. У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, обеспечивающих магическую защиту от всех жутких вещей, которые таятся в глубинах нашей психики. Фигуры бессознательного всегда находили выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами психики космическое пространство.

- 22 Иконоклазм Реформации, однако, буквально пробил брешь в защитной стене священных образов; с тех пор они рушились один за другим. Они начали вызывать сомнения, ибо вступили в конфликт с пробужденным разумом. К тому же люди давно забыли их истинный смысл. Впрочем, забыли ли? Может, мы вообще никогда не знали, что они означают? Может, человечество (во всяком случае та его часть, которая исповедует протестантизм) наконец осознало, что на самом деле мы не имеем ни малейшего представления о том, что следует понимать под Непорочным Зачатием,

божественностью Христа или Святой Троицей? Кажется, будто эти образы просто жили; их существование принималось без сомнений и раздумий; люди относились к ним так же, как к украшению рождественской елки или крашеным пасхальным яйцам, — совершенно не понимая, откуда эти обычаи взялись. Впрочем, мы никогда не задаемся вопросом об истинном значении архетипических образов именно потому, что эти образы полны смысла. Время от времени боги умирают — люди неожиданно обнаруживают, что они ничего не значат, что они созданы человеческой рукой, что они суть бесполезные идолы из дерева и камня. В действительности же человек вдруг понимает, что ранее совершенно не задумывался о них. Когда же он начинает о них думать, то прибегает к помощи так называемого «разума», который на деле представляет собой лишь совокупность его предрассудков и близоруких взглядов на мир.

- 23 История протестантизма — это история хронического иконоклазма. Одна стена рушилась за другой. Разрушение давалось легко, особенно после того, как был подорван авторитет церкви. Мы все свидетели, как в большом и малом, в целом и в частностях он рушился кусочек за кусочком, пока наконец не насту-

пила ужасающая символическая нищета, характеризующая современную жизнь. Вместе с тем ослабли и силы церкви: она превратилась в твердыню без бастионов и казематов, в дом с рухнувшими стенами, открытый всем ветрам и опасностям.

24 Хотя это, строго говоря, весьма прискорбное крушение, оскорбляющее наше чувство истории, распад протестантизма почти на четыре сотни деноминаций является верным признаком внутреннего беспокойства. Протестант ввергнут в состояние незащитности, которое ужаснуло бы любого естественного человека. Его просвещенное сознание, разумеется, не желает ничего об этом знать и всюду ищет то, что утратило в Европе. Мы ищем действенные образы, мыслеформы, способные унять беспокойство сердца и разума, и находим сокровища Востока.

25 Само по себе это не вызывает опасений. Никто не принуждал римлян импортировать азиатские культы оптом. Если христианство в самом деле было бы — как сейчас часто говорят — «чуждым» германским народам, они бы с легкостью его отбросили, чуть только поблек престиж римских легионов. Но христианство осталось, ибо отвечало имевшимся ар-

хетипическим образам. Спустя многие века оно превратилось в нечто такое, что немало удивило бы его основателя, будь он жив. Повод для исторических размышлений дает и христианство у негров и других темнокожих обращенных. Почему бы тогда Западу не ассимилировать восточные формы? Римляне, например, регулярно наведывались в Элевсин, Самотраки и Египет, где проходили местные обряды посвящения. Что касается Египта, то в этом отношении его можно считать подлинной колыбелью религиозного туризма.

- 26 Богов Эллады и Рима сгубила та же болезнь, что и наши христианские символы. Тогда, как и сегодня, люди обнаружили, что совсем не задумывались о своих богах. Чужие боги, напротив, обладали нерастраченной *маной*. Их имена были необычны и непонятны, а деяния темны, в отличие от хорошо известной *chronique scandaleuse* Олимпа. Азиатские символы были недоступны пониманию, а потому не казались банальными в отличие от собственных традиционных богов. В то время безоглядное принятие нового и отбрасывание старого не превратилось в проблему.

- 27 Является ли это проблемой сегодня? Сможем ли мы облечься, как в новое платье, в го-

товые символы, выросшие на чужой почве, пропитанные чужой кровью, воспетые на чужих языках, вскормленные чужим культом, сплетенные с чужой историей? Кому мы уподобимся: нищему, нарядившемуся в королевское одеяние, или королю, переодевшемуся в нищего? Несомненно, это возможно. Или в нас есть что-то такое, что велит нам не устраивать маскарад, и, может быть, даже самим шить себе одежду?

28 Я убежден в том, что растущая скудость символов имеет свой смысл. Подобное развитие абсолютно логично. Теряется все то, о чем мы не задумываемся, и что тем самым лишено значимой связи с развивающимся сознанием. Тот, кто сегодня попытается, подобно теософам, прикрыть собственную наготу роскошными одеждами Востока, будет не верен своей истории. Человек не опускается до попрошайничества только затем, чтобы потом вырядиться в индийского царя. Мне кажется, лучше уж признаться в собственной духовной нищете и утрате символов, нежели претендовать на владение богатствами, законными наследниками которых мы не являемся. Нам по праву принадлежит наследство христианской символики, только мы его каким-то образом растратили. Мы позволили рухнуть дому, который

выстроили наши отцы, а теперь пытаемся проникнуть в восточные дворцы, о которых наши предки не имели ни малейшего представления. Тот, кто лишился исторических символов и не способен удовлетвориться суррогатами, оказывается сегодня в трудном положении: перед ним зияет пустота, от которой он в страхе отворачивается. Хуже того, вакуум заполняют абсурдные политические и социальные идеи, отличительной чертой которых является их духовная бедность. Если человек не может смириться с этим педантичным догматизмом, он вынужден всерьез задуматься о своем так называемом доверии к Богу. Впрочем, обычно страх, что все пойдет не так, осмелся он на это, оказывается сильнее. Подобный страх не лишен оснований — чем ближе Бог, тем большей кажется опасность. Опасно признаваться в собственной духовной бедности: кто беден, тот полон желаний, а судьба желающего в той или иной мере предопределена. Как гласит швейцарская пословица, «за каждым богачом стоит один дьявол, за бедняком — два».

- 29 Подобно тому, как в христианстве обет мирской бедности отвращает разум от благ мира сего, духовная бедность подразумевает отречение от фальшивых богатств духа — не только от жалких остатков великого прошлого,

именуемых сегодня «протестантской церковью», но и от всех соблазнов благоухающего Востока, чтобы в конце концов в холодном свете сознания мы могли узреть бесплодный мир во всем его убожестве.

30 Эту нищету мы унаследовали от наших предков. Мне вспоминается подготовка к конфирмации, которой руководил мой отец. Катехизис навевал на меня невыразимую тоску. Однажды, перелистывая мою книжечку в надежде найти хоть что-то интересное, я наткнулся на параграфы о Святой Троице. Они заинтересовали меня, и я с нетерпением стал ждать, когда мы дойдем до этого раздела. Когда же долгожданный момент наступил, мой отец сказал: «Этот кусок мы пропустим, я тут сам ничего не понимаю». Так умерла моя последняя надежда. Хотя я восхитился честности моего отца, это не помешало мне с той поры смертельно скучать, слушая любые разговоры о религии.

31 Наш интеллект достиг невысказанных высот, но наша духовная обитель рассыпалась в прах. Мы убедились, что даже с помощью новейшего и самого большого телескопа, который сейчас строят в Америке, человек не откроет за

дальними туманностями сказочный эмпирей; мы знаем, что наш взгляд обречен блуждать в мертвой пустоте межзвездных пространств. Не станет нам лучше и тогда, когда математическая физика откроет мир бесконечно малого. В результате мы вновь обращаемся к мудрости всех времен и народов, но обнаруживаем, что все самое ценное для нас уже давно было высказано на самом прекрасном языке. Подобно жадным детям, мы тянем руки к этим сокровищам и верим, что, если только нам удастся схватить их, они станут нашими. Но то, чем мы обладаем, уже утратило значимость; наши руки устают хватать, ибо сокровища всюду, насколько хватает глаз. Все эти богатства превращаются в воду; не один ученик чародея утонул в им самим вызванном потоке, если только сперва не поддался спасительному заблуждению, будто *одна* мудрость хороша, а *другая* плоха. Из такого рода учеников получают внушающие ужас инвалиды, которые искренне верят в собственную пророческую миссию. Это обусловлено тем, что искусственное разделение истинной и ложной мудрости ведет к напряжению в психике, из которого рождаются одиночество и тоска аналогичные тем, что свойственны морфинистам, мечтающим найти сотоварищей по пороку.

32 Когда принадлежащее нам по праву наследство растрчено, дух, как говорит Гераклит, спускается со своих огненных высот. Обретя тяжесть, он превращается в воду, а его тронном завладевает интеллект с его люциферовским самомнением. *Patria potestas* над душой — законное право духа, но никак не земнорожденного интеллекта, являющегося мечом или молотом в руках человека, но не творцом духовного мира, отцом души. По этой причине Людвиг Клагес¹ и Макс Шелер² придерживались весьма умеренных взглядов в своих попытках реабилитировать дух — оба мыслителя принадлежат к той эпохе, когда дух пребывает уже не вверху, в виде огня, а внизу, в виде воды.

33 Таким образом, путь души, ищущей потерянного отца, — подобно Софии, ищущей Бездну, — ведет к воде, к темному зеркалу, лежащему на дне. Любой, кто избрал духовную бедность — подлинное наследие протестантизма, доведенного до своего логического завершения, — вступает на путь, ведущий к водам. Вода — не прием метафорической речи, но живой символ темной души. В качестве иллю-

¹ [См.: *Der Geist als Widersacher der Seele.*]

² [См., например: *Die Stellung des Menschen im Kosmos.* — *Примеч. ред.*]

страции я приведу конкретный пример (и таких примеров множество).

34 Некому протестантскому теологу часто снился один и тот же сон: *он стоит на склоне горы, внизу лежит глубокая долина, а в ней темное озеро. Во сне он знает, что до этого момента что-то мешало ему спуститься к озеру. На этот раз он решает подойти к воде. Когда он приближается к берегу, становится темно и жутко. Неожиданно поднимается ветер и по воде бежит мелкая рябь. Его охватывает панический страх, и он просыпается.*

35 Этот сон содержит природную символику. Сновидец нисходит к собственным глубинам, и путь ведет его к таинственной воде, где свершается чудо, подобное чуду у купальни Вифезда: с небес спускается ангел и прикасается к воде, наделяя ее целительной силой. В нашем сновидении это ветер (пневма), дующий туда, куда пожелает. Спуск к воде — необходимое условие, без которого чуда не произойдет. Однако дух, проскользнувший над темной водой, вызывает страх, как и все то, причину чего мы не знаем, ибо причина эта кроется не в нас. Дух указывает на невидимое присутствие, на божество, которому ни наши ожидания, ни волевые усилия не даровали жизни. Дух живет

без посторонней помощи, и дрожь охватывает человека, который до сей поры думал, будто «дух» есть лишь то, во что он верил, что сам создал, о чем написано в книгах или о чем говорят другие люди. Когда же дух является самопроизвольно, его принимают за призрак, и примитивный страх овладевает наивным умом. Точно так же описывали мне ночного бога старейшины племени элгоньи в Кении, называя его «творцом страха». «Он приходит к тебе, — говорили они, — точно холодный порыв ветра, и ты дрожишь, или он насвистывает в высокой траве». Таков африканский Пан: он бродит среди тростника в полуденный час, играет на своей флейте и пугает пастухов.

36 В сновидении выше дуновение пневмы испугало другого пастыря, подошедшего во мраке ночи к поросшему тростником берегу, к водам, лежащим в долине его психики. Да, этот некогда огненный дух спустился в царство природы, к деревьям, скалам и бездне психики, подобно старцу из «Заратустры» Ницше, который, устав от человечества, удалился в лес, дабы вместе с медведями рычать во славу Творца.

37 Если мы хотим поднять клад — драгоценное наследие отцов, нам ничего не остается, как последовать путем вод, который всегда ведет

вниз. В гностическом гимне душе¹ родители посылают сына искать жемчужину, которая выпала из короны короля. Она покоится на дне охраняемого драконом глубокого колодца в Египте — стране плотских наслаждений и пьянства, материальных и духовных благ. Юноша отправляется за жемчужиной, но, предавшись мирским утехам, забывает о своей задаче, о самом себе. Письмо отца напоминает ему, в чем состоит его долг. Он погружается в темные глубины колодца, находит жемчужину и в конце преподносит ее высшему божеству.

38 Этот приписываемый Бардесану гимн принадлежит эпохе, которая во многом схожа с нашей. Человечество искало и ждало; именно рыба — «*levatus de profundo*» (поднятая из глубин)² — стала символом спасителя, несущего исцеление.

39 Пока я писал эти строки, мне пришло письмо из Ванкувера, написанное незнакомым почерком. Мой адресант был озадачен своими сновидениями, в которых неизменно фигурировала вода: «*Почти все время мне снится вода: либо я принимаю ванну, либо засорилась уборная*

¹ James, *Apocryphal New Testament*, стр. 411—415.

² Августин Аврелий. *Исповедь*. Кн. XIII, гл. XXI.

и вода течет через край, либо лопается труба, либо мой дом сдвинулся к краю воды, либо я вижу, как кто-то из знакомых тонет, либо я сам стараюсь выбраться из воды, либо я лежу в ванне, и она вот-вот переполнится» и так далее.

40 Вода является самым распространенным символом бессознательного. Озеро в долине — это лежащее ниже уровня сознания бессознательное. По этой причине его часто называют «подсознанием», обычно с негативным оттенком, подразумевая при этом неполноценное сознание. Вода есть «дух долины», водяной дракон Дао, природа которого подобна воде — *янь*, заключенному в *инь*. С психологической точки зрения, следовательно, вода означает дух, ставший бессознательным. Сновидение говорит теологу, что у воды он может испытать действие живого духа, аналогичное чуду исцеления в купальне Вифезда. Погружение в глубины всегда предшествует подъему. Так, другому теологу¹ снилось, будто *он увидел на горе*

¹ Тот факт, что этот сон приснился другому теологу, не должен вызывать удивления, ибо священникам и священнослужителям свойственен профессиональный интерес к мотиву «восхождения». Им приходится говорить о нем так часто, что естественным образом возникает вопрос: а что они сами сделали для своего духовного восхождения?

некое подобие замка Святого Грааля. Он пошел по дороге, ведущей к подножию горы. Однако приблизившись к горе, он обнаружил, к своему величайшему разочарованию, что от горы его отделяет пропасть, мрачное и глубокое ущелье, по дну которого струятся воды преисподней. Крутая тропинка спускалась вниз и вилась вверх по другой стороне. Сновидец не отважился на изнурительный спуск и подъем и проснулся. И здесь сновидец, стремящийся к сверкающим вершинам, должен был сперва погрузиться в темные глубины. Это — непереносимое условие восхождения. Благоразумный человек избегает опасности, таящейся в этих глубинах, но тем самым упускает и ту пользу, которую мог бы принести ему смелый, но рискованный шаг.

- 41 Смысл сновидения вызывает сильное сопротивление со стороны сознания, знающего «дух» только как нечто, пребывающее в вышине. «Дух» всегда кажется нисходящим сверху, тогда как снизу поднимается все отвратительное и дрянное. Для людей, мыслящих таким образом, дух означает высшую свободу, парение над глубинами, освобождение из темницы хтонического мира. Это убежище для всех робких, боязливых душ, не желающих становиться чем-то иным. Вода, напротив, естественна

и осязаема, это жидкость тела, над которым господствуют инстинкты, это кровь, запах зверя, похоть и страсть. Бессознательное — та составляющая психики, которая скрывается от света сознания (умственно и морально ясного) в той части нервной системы, которая издавна называется «симпатической». В отличие от спинномозговой системы, симпатическая система не управляет восприятием и мускульной деятельностью, дарующей власть над окружающим пространством; не имея специальных органов чувств, она тем не менее поддерживает жизненное равновесие и неведомым нам образом дает знать не только о сокровенной жизни других, но и сама оказывает на них внутреннее влияние. В этом смысле симпатическая система — система коллективная, движущий механизм *participation mystique*, тогда как спинномозговая функция достигает кульминации в отделении специфических свойств эго и способна улавливать лишь поверхностное и наружное, да и то исключительно сквозь призму пространства. Спинномозговая система воспринимает все как внешнее, а симпатическая — как внутреннее.

42 Обычно бессознательное считают изолированным фрагментом нашей наиболее личной и интимной жизни — чем-то вроде того, что

Библия называет «сердцем» и считает источником всех дурных помыслов. В сердце обитают злые духи крови, гнев и чувственная слабость. Так выглядит бессознательное с точки зрения сознания. Но за сознание, по сути, отвечают полушария головного мозга, которые видят все по отдельности, в отрыве друг от друга. Точно так же большой мозг видит и бессознательное, которое трактуется им как *мое* бессознательное. Таким образом, принято считать, что любой человек, погружающийся в бессознательное, попадает в удушливую атмосферу эгоцентрической субъективности и в этом тупике становится легкой добычей для всех свирепых чудовищ, предположительно населяющих пещеры психической преисподней.

43 Поистине, тот, кто смотрит в зеркало вод, увидит прежде всего собственное лицо. Тот, кто идет к самому себе, рискует столкнуться с самим собой. Зеркало не льстит, оно верно отображает все, что в него смотрит; а именно, лицо, которое мы никогда не показываем миру, скрывая его за *персоной*, маской актера. Но зеркало находится под маской и отражает нашу подлинную сущность.

44 Это столкновение — первая проверка мужества на пути вглубь, испытание, которое отпу-

гивает большинство людей, ибо встреча с самим собой принадлежит к числу в высшей степени неприятных вещей. Как правило, ее удается избежать, проецируя все негативное на внешний мир. Но если мы в состоянии увидеть собственную тень и вынести это знание о ней, тогда задача частично решена: мы прикоснулись к бессознательному — по крайней мере, к его личностному слою. Тень является частью личности, а потому стремится жить в ней в той или иной форме. Устранить ее, обезвредить с помощью рассуждений или разумных доводов невозможно. Эта проблема необычайно сложна, ибо она не только бросает вызов человеку как целому, но и напоминает ему о его беспомощности и бессилии. Сильные натуры (или их стоит назвать скорее слабыми?) не любят, когда им напоминают об этом, и предпочитают думать о себе как о героях «по ту сторону добра и зла», разрубать гордиев узел вместо того, чтобы его развязывать. Тем не менее рано или поздно приходится платить по счетам. В конечном итоге человек вынужден признать наличие проблем, которые он не в состоянии решить собственными силами. Такое признание обладает рядом преимуществ: оно честное, правильное и соответствует действительности. Более того, оно подготавливает почву для компенсаторной ре-

акции со стороны коллективного бессознательного: теперь вы более склонны прислушиваться к интуиции и мыслям, которые ранее не могли обрести четкую форму. Возможно, вы начнете обращать внимание на сновидения, возникающие в такие моменты, или задумываться над внутренними или внешними событиями, которые в это время происходят. Если у вас имеется подобная установка, могут пробудиться силы, которые дремлют в глубинах человеческой природы, ибо беспомощность и слабость являются извечными переживаниями и извечной проблемой человечества. На извечный вопрос есть извечный ответ, иначе человек давно бы исчез с лица земли. Когда сделано все возможное, единственное, что остается, — это то, что вы могли бы сделать, если бы только знали об этом. Но много ли человек знает о самом себе? Судя по имеющемуся опыту, очень мало. Таким образом, для бессознательного остается достаточно много места. Молитва, как известно, требует схожей установки, а потому оказывает более или менее аналогичное действие.

- 45 Необходимая и насущная реакция коллективного бессознательного выражается в архетипически оформленных идеях. Встреча с самим собой означает прежде всего встречу

с собственной тенью. Это тесный проход, узкий вход; тот, кто погружается в глубокий колодец, не может избежать этой болезненной узости. Однако познать самого себя необходимо — только так можно узнать, кто ты есть на самом деле. За узкой дверью человек неожиданно обнаруживает безграничные просторы, полные неопределенности. Там нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет плохого и хорошего. Это мир вод, где свободно течет жизнь, где начинается царство симпатической системы, души всего живого, где я есть нераздельно *и* то, *и* это, где я переживаю другого во мне, а этот другой переживает меня в себе.

- 46 Коллективное бессознательное может быть чем угодно, но только не замкнутой личностной системой; это открытая всему миру и равная ему по широте объективность. Здесь «Я» есть объект всех субъектов, в противоположность моему обычному сознанию, где «Я» всегда является субъектом, которому присущ некий объект. Здесь я являюсь частью мира — такой, что мне легко забыть, кто же я есть в действительности. «Заблудившийся в самом себе» — хороший способ описать такое состояние. Эта самость и есть мир, если бы только ее могло увидеть сознание. Вот по-

чему мы должны знать, кто мы есть на самом деле.

47 Едва соприкоснувшись с бессознательным, мы *становимся* им — мы перестаем осознавать самих себя. В этом главная опасность — древняя, как само человечество. Она инстинктивно ощущается первобытным человеком, который находится слишком близко к этой племени, и вселяет в него ужас. Его пока неуверенное в себе сознание стоит на слабых ногах; оно еще совсем детское, ибо только-только поднялось из первоначальных вод. Волна бессознательного легко может захлестнуть его, и тогда человек забывает о том, кем он был, и совершает поступки, чуждые ему. По этой причине дикари боятся неуправляемых эмоций — под их влиянием сознание ослабевает и уступает место одержимости. Все стремления человечества, таким образом, были направлены на укрепление сознания. Этой цели служили ритуалы и догматы; они были плотинами и стенами, защищающими от опасностей бессознательного, «проклятий души». Первобытные ритуалы, соответственно, включали в себя изгнание духов, освобождение от чар, нейтрализацию дурных предзнаменований, очищение, содействие нужным явлениям с помощью магии.

Именно эти барьеры, воздвигнутые в глубокой древности, позже стали фундаментом, на котором сегодня зиждется здание церкви. Именно эти барьеры рушатся, когда символы слабеют от старости. Тогда воды поднимаются выше, и на человечество обрушивается волна катастроф. Религиозный вождь индейцев из Таос-Пуэбло по имени Локо Тененте Гобернадор однажды сказал мне: «Американцам следует перестать теснить нашу религию, ибо когда она умрет и мы больше не сможем помогать нашему Отцу-Солнцу двигаться по небу, американцы и весь мир кое-чему научатся, ибо Солнце больше не будет всходить». Это значит, что настанет ночь, погаснет свет сознания и мир затопит темное море бессознательного.

Первобытное или нет, человечество всегда стоит на грани поступков, которые оно совершает само, но не контролирует. Весь мир хочет покоя, и весь мир готовится к войне. Человечество бессильно против человечества, и боги, как и прежде, определяют его судьбу. Сегодня мы именуем богов «факторами», от лат. *facere* — «делать». Делатели, творцы стоят за кулисами мирового театра как в больших, так и в малых делах. В царстве сознания мы сами себе хозяева; нам кажется, будто мы и есть эти «факторы». Но стоит нам переступить порог

тени, как мы с ужасом обнаруживаем, что мы сами есть объекты влияния невидимых факторов. Знать об этом в высшей степени неприятно: ничто так не разочаровывает, как осознание собственной несостоятельности. Это может даже породить примитивную панику, ибо вместо того, чтобы безоговорочно верить в столь тщательно оберегаемое превосходство сознания, которое воистину является одним из секретов нашего процветания, мы ставим его под сомнение самым опасным образом. Однако поскольку неведение не есть гарантия безопасности, а, напротив, лишь усугубляет нашу незащищенность, лучше уж знать, несмотря на все страхи, о том, где именно таится опасность. Правильная постановка вопроса — наполовину решенная проблема. По крайнем мере, тогда мы будем знать, что самая большая опасность проистекает из непредсказуемости психических реакций. С древнейших времен наиболее рассудительные люди понимали, что любого рода внешние исторические условия лишь повод, плацдарм для настоящих опасностей, которые угрожают нашей жизни. Это — социально-политические иллюзорные системы. Мы должны рассматривать их не поверхностно, как неизбежные следствия внешних условий, но как решения, порожденные бессознательным.

Данная проблема человечеству в новинку. Во все предшествующие времена люди верили в богов в той или иной форме. Потребовалось беспрецедентное обеднение символики, чтобы мы заново открыли богов как психические факторы, а именно как архетипы бессознательного. Сейчас это открытие, безусловно, вызывает сомнения. Убедиться в его истинности невозможно без переживаний, аналогичных сновидению теолога, ибо только так мы можем испытать самопроизвольность духа, летящего над водами. С тех пор как звезды упали с небес и наши высшие символы поблекли, сокровенная жизнь сохраняется в бессознательном. Вот почему сегодня мы изучаем психологию и говорим о бессознательном. Все это было бы излишним для эпох и культур, обладающих богатой символикой. Символы — это дух свыше, который при таких обстоятельствах одновременно пребывает и внизу, и вверху. Следовательно, стремление испытать или исследовать бессознательное показалось бы таким народам безумным или бессмысленным предприятием, ибо их бессознательное не содержит ничего, кроме безмолвного и неизменного господства природы. Наше бессознательное, напротив, скрывает живую воду, дух, ставший природой. Вот почему ему чужд покой. Небеса превратились

для нас в физикалистское космическое пространство, а божественный эмпирей стал лишь прекрасным воспоминанием о былом. Но «сердце пылает», и тайное беспокойство гложет корни нашего бытия. Вместе с авторами «Прорицания вёльвы» мы можем спросить:

О чем шепчется Вотан с черепом Мимира?
Уже кипит источник...

- ⁵¹ Интерес к бессознательному стал для нас вопросом первостепенной важности — вопросом духовного бытия или небытия. Все, кому знакомы переживания, подобные описанным в сновидении, знают, что сокровище покоится в глубинах вод, и стремятся поднять его на поверхность. Они прочно стоят на земле и тем самым уподобляются — говоря языком притчи — рыбакам, вылавливающим с помощью крючка и сети все то, что плавает в воде. Они могут быть отъявленными глупцами, которые не понимают, что делают рыбаки, но истинные рыбаки не ошибутся в вечном смысле своих действий, ибо символ их ремесла на много столетий старше, нежели неуывдаемая история о Святом Граале. Но не каждый человек рыбак. Часто развитие этой фигуры останавливается на раннем, инстинктивном уровне, и тогда это

выдра, как нам известно по сказкам Оскара Шмица¹.

- ⁵² Смотрящий в воду видит собственное лицо, но вскоре за ним начинают появляться живые существа; рыбы, безвредные обитатели глубин — безвредные, если только озеро не населяют призраки. Это водяные существа особого рода. Иногда в сети рыбаков попадают русалки, полурыбы-полуженщины². Русалки зачаровывают:

Она наполовину высунулась из воды,
Он наполовину погрузился,
И больше его уже не видели.

- ⁵³ Русалки представляют собой инстинктивную версию магического женского существа, которое я называю *анимой*. Известны также сирены, *мелюзины* (морские девы)³, дриады, грации,

¹ [«Fischottermärchen» в сб. *Märchen aus dem Unbewussten*, стр. 14 и далее, стр. 43 и далее. — *Примеч. ред.*]

² См.: Paracelsus, *De vita longa* (1562), а также мой комментарий в ст. «Парацельс как духовное явление» [относительно Мелюзины, абз. 179 и далее, абз. 215 и далее].

³ См.: изображение адепта в *Liber mutus* (1677) (сб. «*Практика психотерапии*», рис. 13). Он рыбачит и поймал русалку. Его *soror mystica*, однако, ловит птиц в свою сеть, символизирующую анимус. Идея анимы часто появляется в литературе XVI и XVII веков, на-

дочери короля эльфов, ламии, суккубы, внушающие юношам безрассудную страсть и высасывающие из них жизнь. Морализирующие критики сказали бы, что эти фигуры суть проекции душевных эмоциональных состояний, пустые фантазии. Следует признать, что в этом есть известная доля истины. Но разве это вся правда? Разве русалка в самом деле всего лишь продукт нравственной слабости и распущенности? Разве подобных существ не существовало давным-давно, в те времена, когда пробуждающееся сознание человека еще было крепко связано с природой? Несомненно, духи лесов, полей и рек существовали задолго до возникновения вопросов морали. Более того, этих существ в равной степени боялись и почитали, а их весьма необычные эротические повадки считались отнюдь не главной их характеристикой. Сознание человека тогда было намного проще, а его власть над ним смехотворно мала. Огромная доля того, что сегодня мы воспринимаем как неотъемлемую часть нашего психического бытия, у примитивных людей представляло собой проекции самого разного рода.

пример у Витуса, Альдрованди, а также в толкованиях *Tractatus aureus*. См. главу «Загадка Болоньи» в моей работе «*Mysterium Coniunctionis*», абз. 51 и далее.

Слово «проекция» в действительности не вполне подходит, так как ничто из психики не было выброшено. Скорее, она приобрела свою нынешнюю сложность в результате ряда актов интроекции. Сложность психики росла пропорционально деспиритуализации природы. Обольстительная русалка из далекого прошлого считается сегодня «эротической фантазией» и может осложнить нашу психическую жизнь самым болезненным образом. Она предстает перед нами как русалка; она восседает на нас как суккуба; она меняет облик как ведьма, и в целом проявляет вопиющую независимость, которая абсолютно не подобает психическому содержанию. Иногда она рождает страсть, которая не уступает самым сильным чарам; иногда — ужас, который по силе может соперничать со страхом дьявола. Это коварное существо, которое появляется у нас на пути в самых разных обликах и одеяниях, играет с нами злые шутки, вызывает счастливые и горькие иллюзии, депрессии, экстаз, неуправляемые вспышки эмоций и так далее. Даже в состоянии разумной интроекции русалка не теряет своей проказливой природы. Ведьма не перестала варить свои приворотные и смертельные зелья; ее магический яд ныне трансформировался в интригу и самообман. Хотя они невидимы, однако от этого отнюдь не менее опасны.

Но как мы смеем называть это эльфическое существо «анимой»? Анима означает душу и должна обозначать нечто чудесное и бессмертное. Однако так было не всегда. Не следует забывать, что это догматическое представление о душе, цель которого — обнаружение чего-то необыкновенно живого и деятельного. Немецкое слово *Seele*, через готическую форму *saiwalô*, состоит в родстве с греческим словом *aiólos*, что означает «быстро движущийся», «меняющий оттенки», «переливчатый» — вроде бабочки (греч. *ψυχή*), перелетающей с цветка на цветок, живущей медом и любовью. В гностической типологии *ἄνθρωπος ψυχικός*, «человек душевный», стоит ниже *πνευματικός*, «человека духовного». Наконец, есть низкие, злые души, которые обречены вечно поджариваться в аду. Даже весьма невинная душа некрещеного новорожденного лишена возможности созерцания Бога. Для дикарей душа есть магическое дыхание жизни (отсюда термин «анима») или пламя. Неканонизированное изречение Иисуса гласит: «Кто приближается ко мне, приближается к огню». По Гераклиту, на высших уровнях душа огненная и сухая: слово *ψυχή* близко по смыслу к «прохладному дыханию» — *ψύχειν* означает «дышать», «дуть», а *ψυχρός* и *ψῦχος* означают «холодный», «прохладный», «сырой».

Существо, имеющее душу, — живое существо. Душа — жизненное начало в человеке; она живет сама и вызывает жизнь. Так, Бог вдохнул в Адама дыхание жизни, чтобы он смог жить. Своими хитроумными иллюзиями душа побуждает к жизни пассивную материю, которая жить не хочет. Душа заставляет нас верить в самые невероятные вещи. Она ставит западни и капканы, чтобы человек пал, спустился на землю, жил на ней и оставался к ней привязан; так Ева в раю не могла успокоиться, пока не убедила Адама вкусить от запретного яблока. Не будь этой переливчатой подвижности души, человек сгинул бы, предавшись своей величайшей страсти — лени¹. Определенная разумность является ее поборником, а определенная мораль превозносит ее как величайший дар. Однако иметь душу значит подвергаться риску, ибо душа есть дарующий жизнь демон, эльфическая игра которого окружает человека со всех сторон. В догмах этому демону грозят сверхчеловеческими наказаниями и сулят награды, выходящие далеко за пределы человеческих возможностей. Небеса и ад — судьбы, уготованные душе, а не цивилизованному человеку, который в своей наго-

¹ La Rochefoucauld, *Pensées* DLX. Цит. по: *Символы трансформации*, абз. 253.

те и робости не будет иметь ни малейшего представления, что делать в небесном Иерусалиме.

57 Анима — не душа в догматическом смысле, не *anima rationalis*, то есть философское понятие, но природный архетип, позволяющий свести воедино все проявления бессознательного, примитивного разума, историю языка и религии. Анима — это «фактор» в подлинном смысле этого слова. Человек не может создать ее; напротив, она есть *априорный* элемент его настроений, реакций, импульсов, всего того, что спонтанно происходит в нашей психической жизни. Это нечто, что живет само по себе и делает живыми нас. Это жизнь за сознанием, которая не может быть полностью интегрирована с ним, но из которой это сознание проистекает. Ибо, в конечном итоге, психическая жизнь по большей части есть жизнь бессознательная, окружающая сознание со всех сторон. Данный факт весьма очевиден: только задумайтесь, сколько бессознательной подготовки требуется, например, чтобы зафиксировать то или иное чувственное впечатление!

58 Хотя кажется, что аниме можно приписать всю нашу бессознательную психическую жизнь, это лишь один архетип среди многих.

Следовательно, она не является характерной чертой бессознательного во всей его совокупности. Она — только один из его аспектов. Об этом свидетельствует сам факт ее феминности. То, что «не-Я», не мужское, является, по всей видимости, женским, а поскольку «не-Я» не принадлежит «Я» и, соответственно, воспринимается как нечто внешнее, образ анимы, как правило, проецируется на женщин. Каждому полу присущи определенные черты противоположного пола, ибо с биологической точки зрения все дело в большем количестве мужских генов, которые склоняют чашу весов в пользу маскулинности. Меньшее количество женских генов, видимо, образует женский характер, который обычно остается бессознательным в силу своего нижестоящего положения.

- 59 Вместе с архетипом анимы мы вступаем в царство богов или, скорее, сферу, которую оставляет за собой метафизика. Все, к чему прикасается анима, становится нуминозным — безусловным, опасным, запретным, магическим. Это змей-искуситель в раю безобидных людей, преисполненных благих намерений и помыслов. Анима предоставляет самые убедительные основания против исследований бессознательного, которые способны

разрушить наши моральные запреты и пробудить силы, которым лучше оставаться неосознаваемыми. Как обычно, в том, что говорит анима, есть доля истины, хотя бы потому, что жизнь сама по себе есть не только благо, но и зло. Поскольку анима жаждет жизни, она жаждет и добра, и зла. В эльфическом царстве такие категории отсутствуют. И телесная, и психическая жизнь имеют наглость гораздо лучше обходиться без конвенциональной морали, и от этого становятся только более здоровыми.

- ⁶⁰ Анима верит в *καλὸν καὶ αἰσθητὸν*, «прекрасное и доброе» — первобытное представление, возникшее задолго до открытия конфликта между эстетикой и моралью. Понадобилось более тысячи лет христианского дифференцирования, чтобы прояснить весьма простую вещь: добро не всегда прекрасно, а прекрасное совсем не обязательно доброе. Парадоксальности сочетания этих идей древние уделяли столь же мало внимания, сколько и представители первобытных племен. Анима консервативна, она отчаянно цепляется за нормы и уклад жизни, присущие древнему человечеству. Она охотно выступает в исторических одеждах, причем особенно благоволит нарядам Греции и Египта. В этой связи следует упомянуть классиче-

ские описания анимы Райдера Хаггарда и Пьера Бенуа. «Гипнэротомехия Полифила»¹ и «Фауст» Гёте одинаково глубоко погружаются в античность с тем, чтобы найти «le vrai mot» для такой ситуации. Полифил вызвал к жизни царицу Венеру, Гёте — Елену Троянскую. Чудесное изображение анимы в эпоху бидермейера и романтизма предложила Анисла Яффе². Тем, кто хочет знать, что происходит, когда анима появляется в современном обществе, я горячо рекомендую роман Джона Эрскина «Частная жизнь Елены Троянской». Она не лишена глубины, ибо на всем живом лежит отпечаток вечности. Анима существует по ту сторону всех категорий, поэтому способна обходиться без обвинений и хвалы. С начала времен человек с его здоровым животным инстинктом пребывает в борьбе со своей душой и ее демонизмом. Если бы душа была однозначно темной, это было бы просто. К несчастью, это не так, ибо анима может представлять и как ангел света, как психопомп, указывающий путь к высшему смыслу, как нам известно из «Фауста».

¹ Ср.: *Linda Fierz-David, Der Liebestraum des Poliphilo*. [Произведения Хаггарда и Бенуа, см. библиографию. — *Примеч. ред.*]

² «Bilder und Symbole aus E. T. A. Hoffmanns Märchen "Der Goldne Topf"».

Если столкновение с тенью — это «творение подмастерья» в процессе индивидуального развития, то встреча с анимой — «шедевр мастера». Связь с анимой — проба мужества, испытание огнем духовных и моральных сил человека. Не следует забывать, что, прикасаясь к аниме, мы прикасаемся к психическим фактам, которые ранее были недоступны, ибо всегда находились «за пределами» психической сферы в форме проекций. Для сына анима скрыта во всеилии матери; иногда эта сентиментальная связь сохраняется на протяжении всей жизни и оказывает пагубное влияние на его судьбу как взрослого мужчины. С другой стороны, она может подвигнуть его на самые смелые деяния. Античному человеку анима представлялась либо как богиня, либо как ведьма; средневековый человек заменил богиню Царицей Небесной и Матерью-Церковью. Десимволизированный мир протестантов сперва породил нездоровую сентиментальность, а затем вызвал обострение морального конфликта, который, в силу своей невыносимости, привел к ницшеанскому «по ту сторону добра и зла». В цивилизованном мире это состояние проявляется в неустойчивости брака. Американский уровень разводов уже достигнут, если не превзойден, во многих европей-

ских центрах; это доказывает, что анима проецирует себя на противоположный пол, тем самым давая начало в высшей степени сложным взаимоотношениям. Данный факт, главным образом из-за своих негативных последствий, способствовал развитию современной психологии, которая в своей фрейдистской форме лелеет убеждение, что основной причиной всех расстройств является сексуальность — точка зрения, лишь усугубляющая уже имеющийся конфликт¹. Налицо смешение причины и следствия. Сексуальные нарушения никоим образом не являются причиной невротических сложностей, но представляют собой патологические следствия дезадаптации сознания, когда оно, например, сталкивается с ситуациями и задачами, к которым не готово. Такой человек просто не понимает, что его мир изменился, не знает, как к нему приспособиться.

⁶² И в случае тени, и в случае анимы недостаточно просто иметь о них представление и размышлять о них. Невозможно осознать их содержание через чувствование или присвоение чувств других людей. Бесполезно заучивать наизусть список архетипов. Архетипы — ком-

¹ Более подробно я излагаю свою точку зрения в работе «Психология переноса».

плексы переживаний, которые обрушиваются на нас подобно судьбе. Их влияние ощущается в наиболее интимной части нашей жизни. Анима является нам не как богиня, но, возможно, как авантюра в интимно-личной сфере или, быть может, как смелое начинание. К примеру, когда уважаемый профессор лет семидесяти внезапно бросает семью и женится на двадцатилетней рыжеволосой актрисе, мы понимаем, что боги выбрали себе очередную жертву. Так проявляется могущество демонического в нашем мире. Еще не так давно покончить с этой молодой дамой не составляло труда — достаточно было объявить ее ведьмой.

- ⁶³ Судя по моему опыту, немало интеллектуально одаренных и образованных людей без труда улавливают идею анимы и ее относительной автономности, а также понимают феноменологию анимуса у женщин. Значительно бóльшие трудности приходится преодолевать психологам — пока они прямо не столкнутся со сложными феноменами, присущими психологии бессознательного. Если же психологи одновременно и практикующие врачи, то у них на пути встает соматопсихологическое мышление с его допущением, что психологические процессы можно выразить при помощи интел-

лектуальных, биологических или физиологических понятий. Но психология не является ни биологией, ни физиологией, ни какой-либо иной наукой. Это наука, дающая знания о психике.

64 Картина, которую я нарисовал в отношении анимы, далеко не полная. Хотя она может быть хаотическим призывом к жизни, есть в ней нечто необыкновенно значимое, тайное знание или сокровенная мудрость, которые самым любопытным образом контрастируют с ее иррациональной эльфической природой. Здесь я бы хотел вновь обратиться к ранее упомянутым авторам. Райдер Хаггард называет Ее «Дочерью Мудрости»; у Бенуа царица Атлантиды владеет замечательной библиотекой, в которой есть даже утраченная книга Платона. Елену Троянскую в ее перевоплощении спасает из публичного дома в Тире мудрый Симон Маг, которого она сопровождает в странствиях. Я не зря не упомянул об этом весьма характерном аспекте анимы ранее, ибо при первой встрече с нею человек отмечает все что угодно, но только не мудрость¹. Данную особенность видит лишь тот, кто находится с ани-

¹ Здесь я обращаюсь к общедоступным примерам, а не к клиническому материалу. Для нашей цели их вполне достаточно.

мой в постоянном контакте. Только в полной мере осознав всю сложность этой задачи¹, человек начинает понимать, что за всеми ее жестокими выходками кроется некая цель, отражающая высшее знание законов жизни. Именно самые неожиданные, самые хаотичные вещи раскрывают глубинный смысл. Чем больше он познан, тем быстрее теряет анима свой порывистый и компульсивный характер. На пути потока хаоса постепенно вырастают волнорезы; осмысленное отделяется от бессмысленного. Когда они более не идентичны, уменьшается и сила хаоса; смысл теперь наделен силой содержательности, а бессмыслица — силой бессодержательности. Возникает новый космос. Все это — отнюдь не новое открытие медицинской психологии, а древнейшая истина: из богатейшего опыта, накопленного человеком, рождаются знания, которые отец может передать сыну².

- ⁶⁵ Мудрость и глупость в эльфическом существе не только кажутся одним и тем же, они *есть* одно и то же, пока представлены анимой.

¹ То есть примирившись с содержанием коллективного бессознательного в целом. Такова конечная цель процесса интеграции.

² Хороший пример — Gustav Schmalz, *Östliche Weisheit und Westliche Psychotherapie*.

Жизнь и безумна, и содержательна одновременно. Если не смеяться над первым и не размышлять над вторым, жизнь становится чрезвычайно тусклой. Все тогда приобретает до предела уменьшенный размер: и смысл, и бессмыслица. Если задуматься, ничто не обладает смыслом, ибо когда не было мыслящего человека, не было и того, кто мог истолковать происходящее. Толкования существуют только для тех, кто не понимает; только те вещи, которые мы не понимаем, имеют некий смысл. Человек пробудился в мире, которого он не понимал; вот почему он стремится истолковать его.

- ⁶⁶ Таким образом, анима и жизнь бессмысленны, поскольку не предлагают толкований. Однако они обладают доступной истолкованию сущностью: в любом хаосе есть космос, в любом беспорядке — скрытый порядок, во всяком непостоянстве — строгий закон, ибо все сущее основано на собственных противоположностях. Чтобы осознать это, требуется мыслящий в антиномических суждениях разум человека. Вступив в соприкосновение с анимой, в полной мере прочувствовав ее хаотическую причудливость, он сможет заподозрить скрытый порядок, уловить некий план, смысл, цель, выходящие за рамки ее природы, даже «посту-

лизовать» их. Впрочем, последнее не соответствует истине. В реальности мы не располагаем способностью к холодным рассуждениям; нам не помогают ни наука, ни философия, а традиционные религиозные учения позволяют сделать это лишь в весьма ограниченной степени. Мы запутались в бесцельных переживаниях, и наш интеллект со всеми его категориями тут бессилён. Человеческие интерпретации оказываются несостоятельными, ибо сложилась тревожная ситуация, к которой не подходит ни одно из традиционных обозначений. Это момент крушения. Мы погружаемся в бездну — Апулей называет это «разновидностью добровольной смерти». Это отказ от наших собственных возможностей, не искусственно вызванный, но навязанный самой природой. Это не добровольное повиновение и смирение, облаченное в одежды морали, а полное, недвусмысленное поражение, увенчанное паническим страхом деморализации. Когда рушатся все основания и подпоры, когда в тылу не остается ни малейшего укрытия, только тогда возникает возможность переживания архетипа, ранее скрытого в значимой бессмысленности анимы. Это *архетип смысла*, подобно тому как анима есть *архетип самой жизни*.

67 Нам кажется, будто смысл — по сравнению с жизнью — есть более позднее явление, поскольку мы (не без оснований) полагаем, что сами придаем его чему-нибудь, и верим (и на это мы, без сомнений, равно имеем право), что огромный мир может существовать и без нашего истолкования. Но каким образом мы придаем смысл происходящему? Из какого источника в конечном счете мы его извлекаем? Формами, которыми мы пользуемся для придания смысла явлениям и событиям, служат исторические категории, восходящие к туманной древности — факт, который обычно не принимают в расчет. В своих толкованиях мы прибегаем к языковым матрицам, которые, в свою очередь, восходят к первичным образам. С какой бы стороны мы ни подходили к этому вопросу, повсюду мы сталкиваемся с историей языка, с образами и мотивами, которые возвращают нас к примитивной Стране чудес.

68 Возьмем, к примеру, слово «идея». Оно восходит к платоновскому понятию *εἶδος*; вечные идеи есть первообразы, которые хранятся *ἐν ὑπερουρανίῳ τόπῳ* (в поднебесном дворце) в виде вечных, трансцендентных форм. Они предстают перед нами как «*images et lares*» или

как образы в сновидениях и откровениях. Или возьмем, например, понятие энергии как толкование физических событий. Раньше это был тайный огонь алхимиков, или флогистон, или присущая материи теплоносная сила, подобная «первичному теплу» стоиков или гераклитовому *πῦρ ἀεί ξῶν* (вечно живому огню), граничащему с первобытным представлением о всепронизывающей жизненной силе, силе роста и магического исцеления, обычно называемой *маной*.

- ⁶⁹ Я не буду приводить множество примеров. Это не нужно. Достаточно знать, что не существует ни единой важной идеи или воззрения, которые бы не имели исторических корней. Все они в конечном счете основаны на первичных архетипических формах, возникших в то время, когда сознание не *думало*, а только *воспринимало*. «Мысль» была объектом внутреннего восприятия и ощущалась как внешнее явление — так сказать, виделась или слышалась. Мысль была, по существу, откровением, чем-то, навязанным извне или убедительным в силу своей непосредственности и актуальности. Мышление такого рода предшествует примитивному эго-сознанию, которое является скорее его объектом, нежели субъектом. Од-

нако современный человек еще не достиг последней вершины сознания; следовательно, и нам свойственно предсуществующее мышление, о котором мы не имеем представления, пока опираемся на традиционные символы — или, говоря языком сновидений, пока не умрет отец или король.

70 Позвольте мне привести пример того, как бессознательное «думает» и подготавливает почву для решений. Речь пойдет о молодом студенте-теологе, которого я лично не знал. Он запутался в своих религиозных убеждениях, и примерно в это время ему приснился следующий сон¹.

71 *Он стоял перед прекрасным старцем, одетым во все черное. Он знал, что это белый маг. Маг долго говорил о чем-то, но сновидец не мог припомнить, о чем именно. В памяти остались только его последние слова: «А для этого нам нужна помощь черного мага». В этот миг открылась дверь и вошел другой старец — точь-в-точь как первый, только одетый в белое. Бросив*

¹ Я уже приводил этот сон в очерке «Феноменология духа в сказках» (абз. 398; см. ниже), а также в работе «Psychologie und Erziehung» (абз. 208 и далее) в качестве примера «большого» сновидения, не разбирая его подробно.

взгляд на сновидца, он сказал белому магу: «Мне необходим твой совет». Белый маг ответил: «Ты можешь говорить свободно, он невинен». И черный маг начал рассказывать свою историю. Он пришел из далекой страны, в которой произошло нечто необычайное. Страной управлял старый король. Почувствовав приближение смерти, он стал выбирать себе гробницу. В той стране было много гробниц, сохранившихся с древних времен, и король выбрал самую лучшую. По преданию, в ней была похоронена девственница. Король приказал вскрыть гробницу, чтобы подготовить ее к собственному погребению. Но когда захороненные там останки оказались на поверхности, они вдруг ожили и превратились в черного коня, который тут же ускочил в пустыню. Черный маг прослышал об этой истории и отправился по следам коня. Много дней он шел, пересек всю пустыню и наконец добрался до ее края, где снова начинались луга. Там он увидел пасущегося коня и там же совершил находку, по поводу которой он и обратился за советом к белому магу. Ибо он нашел потерянные ключи от рая и не знал, что с ними делать. В этот волнительный момент сновидец проснулся.

В свете вышеизложенного нетрудно разгадать смысл сновидения: старый король явля-

ется царственным символом. Он жаждет вечного покоя, причем в том самом месте, где погребены другие «владыки». Его выбор падает на могилу анимы, которая, подобно Спящей красавице, спит мертвым сном, пока жив король — то есть пока жизнь регулируется и выражается законным принципом (правителем или *princeps*). Но когда король умирает¹, она снова пробуждается к жизни и превращается в черного коня, который в платоновской аллегории означает буйство страстей. Тот, кто следует за конем, приходит в пустыню, в дикие земли, далекие от людей — образ духовного и морального одиночества. Но именно там лежат ключи от рая.

73 Но что же есть рай? Очевидно, Эдемский сад с его двуликим древом жизни и познания и четырьмя его реками. В христианской редакции это также небесный град Апокалипсиса, который, подобно Эдемскому саду, представляется как мандала. Но мандала — это символ индивидуации. Именно *черный* маг находит ключи для разрешения проблем веры, мучающих сновидца, — ключи, которые открывают путь к индивидуации. Контраст между пустыней и раем таким образом означает изоляцию

¹ Ср. мотив «старого короля» в алхимии: *Психология и алхимия*, абз. 434 и далее.

в противоположность индивидуации, то есть становлению самости.

74 Эта часть сновидения представляет собой заслуживающую внимания парафразу оксиринхских речений Иисуса¹, в которых путь к небесному царству указывается животным и в которых мы находим следующее наставление: «А потому познайте самих себя, ибо вы — град, а град есть царство». Это также парафраза райского змея, который убедил наших прародителей согрешить и который в конечном итоге привел к искуплению грехов рода человеческого Сыном Божиим. Как мы знаем, данная причинная связь дала повод офитам отождествить змея с *Σωτήρ* (Спасителем). Черный конь и черный маг являются полужизными элементами, на относительность которых по сравнению с добром указывает обмен одежаниями. Оба мага являют собой две ипостаси *мудрого старца*, высшего мастера и учителя, архетипа духа, который символизирует предсуществующий смысл, скрытый в хаотичности жизни. Он — отец души, но душа чудесным образом является и его девственной матерью. По этой причине алхимики называют его «первым сыном матери». Черный маг и черный конь со-

¹ Ср.: James, *The Apocryphal New Testament*, стр. 25 и далее.

ответствуют спуску во мрак в сновидениях, упомянутых ранее.

75 Каким же невыносимо трудным оказался урок для юного студента теологии! К счастью для него, он даже не подозревал, что во сне с ним говорил отец всех пророков и что он стоял очень близко к великой тайне. Можно только удивляться неуместности подобных случаев. Зачем такая расточительность? Могу сказать только, что мы не знаем, как это сновидение в дальнейшем повлияло на жизнь студента теологии. Хочу подчеркнуть, однако, что мне этот сон сказал об очень многом; он не должен был затеряться в памяти сновидца, даже если сам он ничего в нем не понял.

76 Старец в этом сновидении явно стремится показать функциональный синтез добра и зла — своеобразный ответ на до сих пор неразрешенный моральный конфликт в христианской психике. Такая релятивизация противоположностей приближает нас к идеям Востока, к *nirvandva* индуистской философии, избавлению от противоположностей как одному из возможных способов разрешения конфликта путем их примирения. О том, насколько полна смысла и потому опасна эта восточная от-

носительность добра и зла, можно судить по следующему индийскому афоризму: «Кто дальше от совершенства: тот, кто любит Бога, или тот, кто Бога ненавидит?» Ответ звучит так: «Тому, кто любит Бога, нужны семь перерождений, чтобы достигнуть совершенства, а тому, кто ненавидит Бога, нужны только три, ибо тот, кто ненавидит Его, будет думать о нем больше, чем тот, кто любит». Избавление от противоположностей предполагает их функциональную эквивалентность, что оскорбляет наши христианские чувства. Тем не менее, как показывает наше сновидение, гармоничное сосуществование нравственных противоположностей является естественной истиной, которая столь же естественно признается Востоком. Яркий пример тому мы находим в философии даосизма. Но и в христианской традиции имеются высказывания, приближающиеся к этой позиции; достаточно вспомнить притчу о несправедливом домоправителе.

⁷⁷ В этом смысле наше сновидение, безусловно, не уникально: тенденция релятивизировать противоположности является характерным свойством бессознательного. Необходимо добавить, однако, что вышесказанное относится только к случаям обостренной моральной чув-

ствительности; в иных случаях бессознательное может столь же неумолимо настаивать на несовместимости противоположностей. Позиция бессознательного, как правило, связана с сознательной установкой. Следовательно, можно сказать, что наше сновидение заключает в себе специфические убеждения и сомнения теологического сознания протестанта. Это значит, что истолкование должно ограничиваться определенной проблемной областью. Но и в этом случае сновидение явно демонстрирует превосходство отражаемой им позиции. Его смысл выражен мнением и голосом мудрого мага, восходящего по прямой линии к фигуре шамана в первобытном обществе. Подобно аниме, он является бессмертным демоном, освещающим хаотическую тьму животной жизни лучом смысла. Он — просветитель, учитель и мастер, психопомп, персонификации которого не смог избежать даже Ницше, этот «сокрушитель скрижалей», ибо он воскресил его в Заратустре, благородном духе почти гомеровской эпохи, как носителя и глашатая его собственного «дионисийского» просветления и экстаза. Хотя Бог для него умер, демон мудрости стал его телесным двойником. Ницше пишет:

И в этот миг внезапно нас стало двое —
Мимо меня прошел Заратустра.

78 Заратустра для Ницше больше, чем поэтическая фигура, он — произвольная исповедь, завет. Ницше сам блуждал во тьме жизни, повернувшись спиной к Богу и христианству; именно поэтому к нему явился просветитель, говорящий источник его души. Отсюда иератический язык «Заратустры», ибо таков стиль этого архетипа.

79 Переживая данный архетип, современный человек сталкивается с самым древним типом мышления как автономной деятельностью, объектом которой является он сам. Другие примеры этого же опыта — Гермес Трисмегист или Тот из герметической литературы, Орфей, Поймандр (пастырь мужей) и родственный ему Пастырь Гермы¹. Если бы имя «Люцифер» не обросло всякого рода предрассудками, оно идеально подходило бы этому архетипу. Я назвал его *архетипом мудрого старца* или *смысла*. Как и все архетипы, он имеет позитивные и негативные аспекты, в обсуждение которых я не хотел бы здесь вдаваться. Двойственность мудрого старца подробно описана в моей статье «Феноменология духа в сказках».

¹ Райценштайн понимает «Пастыря Гермы» как христианский ответ на трактаты «Поймандр».

Три рассмотренных до сих пор архетипа — тень, анима и мудрый старец — могут представлять в персонифицированной форме. Ранее я попытался обозначить общие психологические условия, в которых возникает подобный опыт. Однако сказанное является лишь абстракцией, обобщением. Можно, точнее нужно, дать описание данного процесса так, как он протекает в непосредственном опыте. В ходе этого процесса архетипы выступают как действующие персонажи сновидений и фантазий. Однако сам процесс включает другой класс архетипов, который можно было бы обозначить как *архетипы трансформации*. Они уже не персонифицированы, но представляют собой типичные ситуации, места, пути и средства, символизирующие типы трансформации. Как и персоналии, эти архетипы являются истинными и подлинными символами, которые не поддаются исчерпывающей трактовке ни как знаки, ни как аллегории. Они есть подлинные символы именно из-за своей многозначности и неисчерпаемости. Основополагающие принципы, *ἀρχαί*, бессознательного не поддаются описанию в силу богатства опорных значений, хотя и могут быть распознаны. Различающий интеллект стремится к однозначности смысла, но тем самым упускает из вида главное, ибо единственное, что мы безусловно

можем установить относительно природы символов, — это их *многозначность*, почти неограниченное количество отсылок, что делает невозможной однозначную формулировку. Кроме того, они принципиально парадоксальны; аналогичным образом алхимики представляли дух как «senex et iuvenis simul» — старый и молодой одновременно.

- 81 Неплохой иллюстрацией символического процесса являются рисунки из алхимических трактатов, хотя символы, которые они содержат, преимущественно можно отнести к традиционным, несмотря на их зачастую смутное происхождение и значение. Превосходным восточным примером служит тантристская система чакр¹ или мистическая нервная система в китайской йоге². По всей вероятности, и серия образов в картах Таро развилась из архетипов трансформации, что подтверждает весьма поучительная лекция профессора Бернулли³.

- 82 Символический процесс представляет собой переживание *образов через образы*. Его разви-

¹ Авалон Артур. *Змеиная сила*.

² Erwin Rousselle, «Spiritual Guidance in Contemporary Taoism».

³ R. Bernoulli, «Zur Symbolik geometrischer Figuren und Zahlen».

тие, как правило, имеет энантиодромическую структуру, подобно тексту «И Цзин», и, следовательно, содержит в себе чередование негативного и позитивного, потери и приобретения, светлого и темного. Его начало почти всегда характеризуется как попадание в тупик или безвыходную ситуацию; его целью является, вообще говоря, просветление или высшее сознание, посредством которых первоначальная ситуация преодолевается на более высоком уровне. Что касается временного фактора, процесс может быть сжат до одного сновидения или кратковременного опыта, а может длиться месяцами и годами, в зависимости от исходной ситуации, особенностей переживающего его индивида и результатов, к которым он должен привести. Количество символов естественным образом варьирует от случая к случаю. Хотя все переживается образно, то есть символически, речь идет не о мнимых опасностях, а о реальном риске, от которого может зависеть судьба человека. Главная опасность заключается в искушении поддаться чарующему влиянию архетипов. Чаще всего это происходит, когда архетипические образы не переходят в область сознания. При наличии предрасположенности к психозу архетипические фигуры, которые и так в си-

лу своей нуминозности обладают автономностью, могут избежать сознательного контроля и стать полностью независимыми, тем самым приводя к развитию одержимости. При одержимости анимой, например, больной пытается кастрировать самого себя, чтобы превратиться в женщину, или, наоборот, боится, что нечто подобное сделают с ним против его воли. Самым известным примером являются «Мемуары больного, страдающего нервной болезнью» Шребера. Такие больные часто обнаруживают всю мифологию анимы с бесчисленными архаическими мотивами. Пересказ подобного случая несколько лет назад опубликовал Нелькен¹. Другой пациент сам описал свой опыт, снабдил его комментариями и издал в виде книги². Я специально напоминаю об этих случаях, ибо еще встречаются люди, полагающие, будто архетипы не более чем субъективные химеры моего мозга.

- ⁸³ То, что со всей жестокостью вскрывается при безумии, в случае невроза остается на заднем плане, однако продолжает воздействовать на сознание. Когда же анализ проникает в глубь феноменов сознания, он обнаружива-

¹ «Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen».

² John Custance, *Wisdom, Madness, and Folly*.

ет те же архетипические фигуры, которые вызывают бред психотиков. Наконец, существует несметное множество литературных и исторических примеров, доказывающих, что архетипы свойственны абсолютно нормальным типам фантазии, которые отнюдь не являются чудовищными последствиями умопомешательства. Патология заключается не в наличии таких идей, а в диссоциации сознания, которое уже не способно управлять бессознательным. Во всех случаях диссоциации возникает необходимость интеграции бессознательного в сознание. Это синтетический процесс, который я называю «процесс индивидуации».

84 Фактически, этот процесс следует естественному течению жизни — жизни, за время которой индивид становится тем, кем он всегда был. Поскольку человек наделен сознанием, развитие такого рода происходит не столь гладко; нередко возникают вариации и нарушения, ибо сознание снова и снова отклоняется от своего архетипического, инстинктивного основания и вступает в противоречие с ним. Тогда возникает необходимость синтеза двух позиций. Это эквивалентно психотерапии даже на примитивном уровне, где она принимает форму реституционных церемо-

ний. Примерами могут служить идентификация с предками у австралийских аборигенов в период *alcheringa*, идентификация с «сынами солнца» у индейцев Таос-Пуэбло, апофеоз Гелиоса в мистериях Исиды и так далее. Соответственно, терапевтический метод комплексной психологии заключается, с одной стороны, в возможно более полном доведении до сознания констеллированного бессознательного содержания, а с другой — в синтезе этого содержания с сознанием. Поскольку, однако, цивилизованный человек обладает высоко развитой способностью к диссоциации и часто пользуется ею, дабы избежать всевозможных рисков, возникают определенные сомнения, что за осознанием последуют надлежащие действия. Наоборот, мы вынуждены считаться с исключительной неэффективностью осознания и, следовательно, прикладывать все усилия, дабы применить его результаты наилучшим образом. Сам акт осознания, как правило, этого не предполагает и не содержит в самом себе никакой моральной силы. В таких случаях становится ясно, в какой мере излечение неврозов представляет собой моральную проблему.

85 Так как архетипы, подобно всем нуминозным явлениям, относительно автономны, их

рациональная интеграция невозможна. Для интеграции требуется диалектический метод, то есть истинное примирение с ними. Последнее часто происходит в форме диалога, в рамках которого пациент, даже не подозревая об этом, прибегает к алхимической *meditatio* — «внутренней беседе со своим добрым ангелом»¹. Данный процесс обычно протекает бурно, с многочисленными взлетами и падениями. Он выражается или сопровождается сновиденческими символами, связанными с «*représentations collectives*», которые с глубокой древности отражают психические процессы трансформации в виде мифологических мотивов².

86 В рамках одной лекции я вынужден ограничиться лишь отдельными примерами архетипов. Я выбрал те из них, которые играют ключевую роль при анализе мужской психики, и постарался дать читателю некоторое представление о процессе трансформации, в ходе которого они появляются. После первого издания этой лекции фигуры тени, анимы и мудрого старца, наряду с соответствующими фигурами женского бессознательного, были по-

¹ Ruland, *Lexicon alchemiae* (1612).

² См.: *Символы трансформации*.

дробно описаны мной в работах о символике самости¹. Более полное освещение получил и процесс индивидуации в его связи с алхимической символикой².

¹ Эон.

² Психология и алхимия.

II

Концепция коллективного бессознательного¹

¹ [Впервые лекция была прочитана в Больнице Святого Варфоломея 19 октября 1936 года и опубликована в *Journal of St. Bartholomew's Hospital*, XLIV (1936/37), 46–49, 64–66. Настоящая статья незначительно доработана и отредактирована автором. — *Примеч. ред.*]

КОНЦЕПЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

⁸⁷ Вероятно, ни одна из моих эмпирических концепций не сталкивалась с таким глубоким непониманием, как идея коллективного бессознательного. Ниже я попытаюсь дать: 1) определение этой концепции, 2) описание ее значения для психологии, 3) объяснение метода доказательства и 4) пример.

1. Определение

⁸⁸ Коллективное бессознательное представляет собой часть психики, которая, в отличие от личного бессознательного, не обязана своим существованием личному опыту и, следовательно, не является индивидуальным приобретением. Если личное бессознательное

преимущественно состоит из элементов, которые некогда осознавались, но впоследствии исчезли из сознания в результате забывания или вытеснения, то элементы коллективного бессознательного никогда не были в сознании и, соответственно, носят не приобретенный, а наследственный характер. Тогда как личное бессознательное состоит главным образом из *комплексов*, содержание коллективного бессознательного в основном составляют *архетипы*.

89

Понятие архетипа является неотъемлемым коррелятом идеи коллективного бессознательного и указывает на существование определенных форм в психике, которые, по-видимому, присутствуют всегда и везде. В мифологических исследованиях их называют «мотивами»; в психологии первобытных людей они соответствуют концепции «*représentations collectives*» Леви-Брюля, а в области сравнительной религии Губерт и Мосс определяют их как «категории воображения». Адольф Бастиан называл их «элементарными» или «первичными мыслями». На основании вышесказанного можно заключить, что моя идея об архетипе (букв. «предсуществующая форма») не стоит особняком, а признается и в других областях знания.

Мой тезис заключается в следующем: помимо нашего непосредственного сознания, которое носит исключительно личный характер и которое мы считаем единственной эмпирической психикой (даже если рассматривать личное бессознательное как приложение), существует вторая психическая система коллективной, универсальной и безличной природы, одинаковая у всех людей. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, а наследуется. Оно состоит из предсуществующих форм — архетипов, осознаваемых лишь вторично и придающих четкую форму определенным элементам психического содержания.

2. Психологическое значение коллективного бессознательного

Медицинская психология, развившаяся из профессиональной врачебной практики, настаивает на *личностном* характере психики. Здесь я имею в виду воззрения Фрейда и Адлера. Это *психология индивида*, в рамках которой этиологические или причинные факторы рассматриваются почти исключительно как личные по своей природе. Тем не менее даже такая психология основана на определенных общих биологических факторах, например половом

инстинкте или потребности в самоутверждении, которые ни в коей мере не являются сугубо индивидуальными особенностями. Она вынуждена это делать, ибо претендует на роль объяснительной науки. Ни одно из этих представлений не отрицает ни существования *априорных* инстинктов, одинаково общих для человека и животных, ни их значимого влияния на личную психологию. Однако инстинкты представляют собой безличные, повсеместно распространенные, наследственные факторы динамического или мотивационного характера, которые настолько часто остаются вне сферы сознания, что содействие их осознанию можно считать одной из первостепенных задач, стоящих перед современной психотерапией. Более того, по своей природе инстинкты отнюдь не являются чем-то смутным и неопределенным; это особым образом оформившиеся мотивационные силы, которые появились задолго до возникновения сознания и преследуют собственные цели, независимо от степени их осознания. Следовательно, они представляют собой очень близкий аналог архетипов — настолько близкий, что есть все основания полагать, что архетипы суть неосознанные образы самих инстинктов или, другими словами, что они являются *моделями* (паттернами) *инстинктивного поведения*.

Таким образом, гипотеза коллективного бессознательного не более дерзновенна, нежели гипотеза о существовании инстинктов. Человек охотно признает, что инстинкты оказывают сильнейшее влияние на его поступки, причем совершенно независимо от рациональных мотиваций сознательного разума. Следовательно, если предположить, что наше воображение, восприятие и мышление в равной мере подвержены влиянию врожденных и универсально существующих формальных элементов, то нормально функционирующий интеллект, я полагаю, может усмотреть в этой идее столько же мистицизма, сколь и в теории инстинктов. Хотя мою концепцию не раз упрекали в мистицизме, я должен еще раз подчеркнуть: понятие коллективного бессознательного является не умозрительным, не философским, а эмпирическим. Ключевой вопрос звучит так: действительно ли существуют бессознательные универсальные формы? Если они существуют, тогда имеется область психики, которую можно назвать коллективным бессознательным. Правда, определить коллективное бессознательное не всегда просто. Недостаточно указать на зачастую очевидный архетипический характер проявлений бессознательного, ибо последние с тем же успехом могут возникать из элементов, приобретенных через язык и обучение.

Равным образом следует исключить криптомнезию, что в некоторых случаях практически невозможно. Однако, несмотря на все эти трудности, имеется немало индивидуальных примеров, иллюстрирующих аутохтонное возрождение мифологических мотивов, что исключает любые разумные сомнения. А если такое бессознательное в самом деле существует, то психологическое объяснение обязано принять его в расчет и подвергнуть более строгой критике некоторые необоснованные этиологические теории о личности.

⁹³ Поясню свою мысль на конкретном примере. Читатель наверняка знаком с анализом Фрейда¹ знаменитой картины Леонардо да Винчи «Святая Анна с Мадонной и младенцем Христом». Фрейд интерпретирует ее исходя из того факта, что у самого Леонардо было две матери. Причинная связь носит личный характер. Мы не будем останавливаться на том, что картина эта далеко не уникальна и что святая Анна в действительности приходилась Христу бабушкой, а не матерью, как того требует трактовка Фрейда. Отмечу лишь, что с личной психологией переплетается безличный мотив, хорошо известный нам из других областей зна-

¹ Фрейд З. *Леонардо да Винчи. Воспоминание детства*. Разд. IV.

ния. Это мотив *двойной матери* — архетип, встречающийся в различных вариантах в мифологии и сравнительной религии и образующий основу многочисленных «*représentations collectives*». Я мог бы упомянуть, например, мотив *двойственного происхождения*, то есть происхождения от человеческих и божественных родителей, как в случае с Гераклом, который обрел бессмертие через усыновление Герой. То, что было мифом в Древней Греции, в Древнем Египте стало ритуалом: фараон был одновременно и человеком, и богом. На стенах родильных палат в египетских храмах сохранились фрески, изображающие второе, божественное зачатие и рождение фараона, который, следовательно, рождался дважды — физически и духовно. Именно эта идея лежит в основе всех таинств возрождения, включая и христианство. Так, Иисус Христос — «дважды рожденный»: во время крещения в Иордане он повторно родился из воды и духа. Вот почему в католической литургии купель символизирует «*uterus ecclesiae*» и, как вы можете прочесть в Римском Миссале, именно так именуется по сей день, в частности в «Благословении купели», которое можно услышать в Страстную субботу перед Пасхой. Более того, согласно раннехристианским и гностическим представлениям, дух, явившийся в виде голубя,

толковался как Sophia-Sapientia — Мудрость и Мать Христова. Благодаря этому мотиву двойного рождения добрые и злые феи, «усыновляющие» детей с благословениями или проклятиями, в современном мире уступили место крестным — «вторым» отцу и матери.

94 Идея второго рождения встречается повсюду и во все времена. На первых этапах развития медицины это было магическое средство исцеления; во многих религиях это центральный мистический опыт; это основополагающая идея средневековой оккультной философии. Наконец, это фантазия, встречающаяся у многих детей, больших и малых, которые верят, будто их родители не настоящие, а приемные. Бенвенуто Челлини рассказывает в своей биографии, что думал точно так же.

95 В настоящее время не может быть и речи о том, что все люди, которые верят в двойственное происхождение, на самом деле имеют двух матерей, или, наоборот, что те немногие, кто разделил судьбу Леонардо да Винчи, заразили остальное человечество своим комплексом. Скорее, мы вынуждены допустить, что повсеместное распространение мотива двойного рождения, а также фантазий о двух матерях обусловлено извечной человеческой

потребностью, отраженной в этих мотивах. Если Леонардо да Винчи действительно изобразил своих двух матерей в образах святой Анны и Марии, в чем лично я сомневаюсь, то он тем самым выражал лишь то, во что верили миллионы людей до и после него. Символ стервятника (также рассмотренный Фрейдом в упомянутой работе) — еще один довод в пользу данной точки зрения. Говоря об источнике этого символа, Фрейд ссылается на «Иероглифику» Гораполлона¹ — книгу, которая была весьма популярна во времена Леонардо. В ней сообщалось, что стервятники бывают только женского пола, символизируют материнское начало и зачинают от ветра (*пневмы*). Это слово приобрело значение «духа» главным образом под влиянием христианства. Даже в описании чуда в день Пятидесятницы пневма все еще имеет двойное значение — ветра и духа. По моему мнению, данный факт, несомненно, указывает на Марию, которая, будучи девственной по природе, зачала от пневмы, подобно стервятнику. Более того, согласно Гораполлону, стервятник также символизирует Афины, выпрыгнувшую из головы Зевса без зачатия и родов. Она была девственна и знала

¹ [См.: Горапполон. *Иероглифика*. Гл. 11. Также см.: Фрейд З. *Леонардо да Винчи. Воспоминание детства*. Разд. II. — *Примеч. ред.*]

лишь духовное материнство. Все это — отсылка к Марии и мотиву второго рождения. Нет и намек на то, что Леонардо хотел выразить своей картиной нечто иное. Даже если он и отождествлял себя с младенцем Христом, то, по всей вероятности, стремился таким образом выразить мифологический мотив двойной матери, но не свою личную ситуацию. Да и как быть со многими другими художниками, которых вдохновляла эта же тема? Разумеется, далеко не у каждого из них было две матери.

⁹⁶ Перенесем случай Леонардо в область неврозов. Допустим, пациент с материнским комплексом ошибочно полагает, будто причина его невроза заключается в том, что у него действительно две матери. С личной точки зрения следовало бы признать, что он прав, и тем не менее это было бы неверно. В действительности причиной его невроза является реактивация архетипа двойной матери, причем независимо от того, две матери у него или одна, ибо, как мы уже увидели, этот архетип действует индивидуально и исторически вне какой-либо связи с относительно редкими случаями двойного материнства.

⁹⁷ В данном случае было бы весьма заманчиво допустить столь простое и личное объяснение,

однако эта гипотеза не только неточна, но и в корне ошибочна. Конечно, врачу, имеющему только медицинское образование и слышащему о мотиве двойной матери впервые в жизни, трудно понять, как он мог привести к психологической травме. Однако если вспомнить о колоссальных силах, скрытых в мифологической и религиозной сферах человека, этиологическая значимость архетипа уже не кажется столь фантастической. Во многих случаях невроза причина расстройства состоит в отсутствии взаимодействия этих движущих сил в психической жизни больного. Тем не менее сугубо личностная психология, сводя все к индивидуальным проблемам, отрицает существование архетипических мотивов и даже пытается их уничтожить посредством индивидуального анализа. На мой взгляд, это весьма опасная тенденция, которую невозможно оправдать с медицинской точки зрения. Сегодня мы можем гораздо лучше судить о природе задействованных сил, чем двадцать лет назад. Так неужели мы не в состоянии увидеть, как целая нация возрождает древнюю символику, даже древние религиозные формы, и как эти массовые настроения катастрофическим образом меняют жизнь индивида? Человек прошлого жив в нас, современных людях, в такой степени, какая до войны нам и не сни-

лась. В конечном счете, что такое судьба великих народов, как не совокупность психических изменений составляющих их людей?

98

В случаях когда невроз является лишь частной проблемой, в основе которой лежат исключительно личные причины, архетипы не играют никакой роли. Однако если речь об общей несовместимости или других патологических состояниях, ведущих к развитию невроза у сравнительно большого числа людей, мы обязаны допустить наличие констеллированных архетипов. Поскольку в большинстве своем неврозы являются не просто личной бедой, а *социальным* феноменом, мы вынуждены предположить, что и в данном случае архетипы констеллированы. Активируется соответствующий ситуации архетип, и в действие вступают скрытые в нем разрушительные и опасные силы. Зачастую это ведет к непредсказуемым последствиям. Люди, находящиеся под властью архетипа, могут стать жертвой любого безумия. Если бы тридцать лет назад кто-нибудь осмелился предсказать, что наше психологическое развитие движется к возрождению средневековых преследований евреев, что Европа вновь содрогнется перед римскими фасциями и тяжелой поступью легионов, что люди вновь будут отдавать честь на римский

манер, как и две тысячи лет назад, что вместо христианского креста архаическая свастика будет увлекать на смерть миллионы воинов, этот человек был бы освистан как несостоявшийся мистик. А сегодня? Как ни странно, но весь этот абсурд — ужасная действительность. Частная жизнь, частная этиология и частный невроз превратились почти в фикцию в современном мире. Человек прошлого, живший в мире архаических «*représentations collectives*», вновь обрел видимую и в высшей степени реальную жизнь, причем не только в неуравновешенных индивидах, коих единицы, а в психике миллионов людей.

- 99 Архетипов существует столько же, сколько и типичных ситуаций в нашей жизни. Бесконечное повторение запечатлело эти опыты в самой структуре нашей психики не в виде образов, наполненных содержанием, а сперва лишь как *формы без содержания*, представляющие всего-навсего возможность определенного типа восприятия и действия. В соответствующей ситуации архетип активируется, и развивается компульсивность, которая, как и инстинктивное влечение, управляет нами вопреки благоразумию и воле, а в иных случаях вызывает конфликт патологических масштабов, то есть невроз.

3. Метод доказательства

100

Вернемся к вопросу о том, как доказать существование архетипов. Поскольку архетипы должны продуцировать определенные психические формы, рассмотрим, каким образом и где можно раздобыть демонстрирующий их материал. Основным источником являются *сновидения*, представляющие собой произвольные, спонтанные порождения бессознательной психики, то есть продукты природы в чистом виде, не искаженные какой-либо сознательной целью. Задавая вопросы больному, можно установить, какие из мотивов, появляющиеся в сновидениях, ему известны. Из мотивов, которые ему не известны, мы должны, естественно, исключить все мотивы, которые *могли* быть ему известны, например — возвращаясь к случаю Леонардо — символ стервятника. Мы точно не знаем, позаимствовал ли Леонардо этот символ у Горатоллона: для образованного человека того времени это было вполне возможно — художники той эпохи отличались обширными познаниями в области гуманитарных наук. Таким образом, несмотря на то, что мотив птицы является образцовым архетипом, его существование в фантазии Леонардо по-прежнему ничего не доказывает. Следовательно, мы должны найти

такие мотивы, которые никак не могут быть известны сновидцу, но которые по своему функциональному поведению совпадают с поведением архетипа, известного из исторических источников.

¹⁰¹ Другой источник необходимого нам материала можно найти в «активном воображении». Под ним я разумею последовательность фантазий, порожденных в результате намеренного сосредоточения внимания. Я обнаружил, что наличие нереализованных, бессознательных фантазий увеличивает частоту и интенсивность сновидений; когда эти фантазии переходят в область сознания, сновидения меняют свой характер, становятся слабее и появляются реже. Из этого я сделал вывод, что сновидения часто содержат фантазии, которые «стремятся» стать осознанными. Источниками сновидений часто служат вытесненные инстинкты, которым присуща естественная склонность оказывать влияние на сознательный разум. В таких случаях пациента просят обдумать фрагмент фантазии, который кажется ему особенно значимым, — случайную идею, может быть, или нечто, что он осознал во время сна, — с тем, чтобы его контекст, то есть ассоциативный материал, в котором во-

плошен фрагмент, стал видимым. Речь идет не о методе «свободных ассоциаций», рекомендованном Фрейдом для анализа сновидений, а о проработке фантазии путем наблюдения за дальнейшим развитием материала, который естественным путем дополняет выбранный фрагмент.

¹⁰² Я не буду вдаваться здесь в технические подробности этого метода. Достаточно сказать, что получающаяся в итоге последовательность фантазий дает материал, богатый архетипическими образами и ассоциациями. Очевидно, данный метод можно применять лишь в некоторых, тщательно отобранных случаях. Он не совсем безопасен, так как может увести пациента слишком далеко от реальности. По этой причине необходимо предупредить о нежелательных последствиях при его необдуманном применении.

¹⁰³ Наконец, очень интересные источники архетипического материала обнаруживаются в бреде параноиков, фантазиях в состоянии транса и сновидениях раннего детства (с трех до пяти лет). Такой материал имеется в избытке, однако он лишен всякой ценности, если исследователь не сможет провести убедитель-

ные мифологические параллели. Разумеется, недостаточно просто связать сновидение о змее с соответствующим мифологическим примером: никто не может гарантировать, что функциональное значение змеи в сновидении и в мифе одинаково. Чтобы провести значимую параллель, необходимо установить функциональное значение индивидуального символа, а затем выяснить, имеет ли предполагаемый параллельный мифологический символ схожий контекст и, следовательно, такое же функциональное значение. Все это не только требует длительных и трудоемких исследований, но и представляет собой весьма неблагоприятный объект для демонстрации. Поскольку символы не могут быть вырваны из их контекста, исследователь вынужден пуститься во всесторонние описания как личностного, так и символического характера, что практически невозможно в рамках одной лекции. Я неоднократно пытался сделать это, рискуя при этом усыпить половину аудитории.

4. Пример

104

В качестве примера я выбрал случай, который, хотя и уже был опубликован, в силу своей краткости может служить идеальной иллюстрацией. Кроме того, я добавлю ряд замеча-

ний, которые были опущены в предыдущем издании¹.

105 Примерно в 1906 году я столкнулся с весьма любопытным бредом у пациента, с юных лет страдающего параноидной формой шизофрении. Больной — рядовой клерк, окончивший общеобразовательную школу, — много лет находился в лечебнице. Поскольку никаких особых дарований у него не было, а я в то время ничего не знал о мифологии и археологии, влияние извне в этой ситуации было исключено. Однажды я увидел, как этот человек смотрит в окно, щурится на солнце и при этом странно качает головой. Он попросил меня сделать то же и пояснил, что тогда я увижу нечто очень интересное. Когда я спросил его, что он видит, он удивился, что я ничего не вижу, и сказал: «Но вы же видите солнечный фаллос? Когда я качаю головой, он двигается. Вот так рождается ветер». Естественно, я не понял эту странную идею, но принял ее к сведению. Затем, года четыре спустя, в ходе моих мифологических изысканий мне попалась книга Альбрехта Дитриха², известного фило-

¹ *Wandlungen und Symbole der Libido* (ориг. 1912).

² *Eine Mithrasliturgie*. [Как позже выяснил автор, издание 1910 года на самом деле было вторым; первое издание вышло в свет в 1903 году. Пациент, однако, был по-

лога, который и пролил свет на эту фантазию. Работа, опубликованная в 1910 году, была посвящена греческому папирусу, хранившемуся в Национальной библиотеке в Париже. Дитрих полагал, что в одной из частей текста описан митраистский ритуал. Текст, несомненно, носил религиозный характер и содержал заклинания, а также многократные упоминания Митры. Он восходил к Александрийской школе мистицизма и был близок к определенным фрагментам Лейденского папируса и Герметического Корпуса. В тексте Дитриха мы находим следующие инструкции:

Вдохни солнечные лучи, вдохни три раза, как можно глубже, и ощутишь ты, как воспаряешь в небесные выси... И узришь ты путь богов, что идут сквозь диск солнца — нашего Бога, отца всего сущего. И узришь ты трубку, что спускается от солнечного диска вниз и рождает благостный ветер. В сторону западных областей дует бесконечный восточный ветер. Если же возобладает другой ветер, в сторону восточных областей, то и видение твое обернется в ту сторону¹.

¹⁰⁶ Очевидно, автор стремился дать возможность читателю пережить видение, которое

мещен в психиатрическую больницу несколькими годами ранее. — *Примеч. ред.*]

¹ Там же, стр. 6 и далее.

посетило его самого, или, по крайней мере, в которое он искренне верил. Читатель должен был приобщиться к внутреннему религиозному опыту либо автора, либо — что кажется более вероятным — одного из тех мистических обществ, о которых повествует Филон Иудейский. Бог-огонь или бог-солнце, о котором здесь идет речь, — фигура, имеющая многочисленные исторические параллели, в частности, с фигурой Христа в Откровении Иоанна Богослова. Таким образом, это «représentation collective», как и прочие ритуальные действия, например подражание голосам животных и так далее. Видение заключено в религиозный контекст явно экстатической природы и описывает разновидность посвящения в мистическое переживания Божества.

107 Наш пациент был лет на десять старше меня. В своей мегаломании он мнил себя Господом Богом и Христом в одном лице. Его отношение ко мне было покровительственное; я нравился ему, вероятно, потому, что был единственным человеком, проявляющим интерес к его невразумительным идеям. Его бред преимущественно носил религиозный характер; когда он попросил меня посмотреть на солнце и покачать головой, он, очевидно, хотел поделиться своим видением. Он играл роль мистика, а я был нео-

фитом. Он ощущал себя солнечным божеством, порождающим ветер качанием головы. О ритуальной трансформации в Божество свидетельствует Апулей в «Мистериях Иисиды» (апофеоз Гелиоса). По своему значению «благостный ветер», вероятно, аналогичен творящей пневме, которая проистекает из бога-солнца и, наполняя душу, делает ее плодородной. Связь солнца и ветра часто встречается в древней символике.

108 Далее необходимо показать, что это не просто совпадение. Другими словами, мы должны убедиться, что идея ветряной трубки, связанной с Богом или солнцем, существует независимо от этих двух свидетельств и встречается в другие времена и в других местах. Так, на некоторых средневековых картинах изображено оплодотворение Девы Марии с помощью трубки (или шланга), спускающейся с престола Божьего. По ней вниз слетает голубь или младенец Христос. Голубь представляет собой оплодотворяющий агент, ветер Святого Духа.

109 Вне всякого сомнения, пациент ничего не мог знать о греческом папирусе, опубликованном четыре года спустя; кроме того, крайне маловероятно, что его видение имело отношение к средневековым представлениям о Непо-

рочном Зачатии, даже если каким-то невероятным образом ему и довелось видеть такие картины. Больному был поставлен диагноз в двадцать лет с небольшим. Он никогда не путешествовал. А в художественной галерее Цюриха, города, где он родился и вырос, таких картин нет.

110 Я привел этот случай не с целью доказать, что это видение представляет собой архетип, а с целью продемонстрировать читателю мой метод в самой простой его форме. Если бы мы постоянно сталкивались с подобными случаями, задача исследователя была бы относительно проста, однако в реальности поиск доказательств сопряжен с гораздо большими трудностями. Во-первых, определенные символы необходимо четко выделить с тем, чтобы иметь возможность рассматривать их как типичные явления, а не случайность. Этого можно добиться посредством анализа серий сновидений (скажем, нескольких сотен), с целью выявления в них типичных фигур и последующего наблюдения за их развитием. Аналогичный метод применим и к продуктам активного воображения. Таким образом мы можем установить динамику или модуляции одной и той же фигуры. Можно выбрать любую фигуру, которая в ряде сновидений или видений ведет себя

как архетип. Если имеющийся материал достаточно обширен, мы, вероятно, обнаружим интересные факты о трансформациях, которым подвергся рассматриваемый тип. Не только сам тип, но и его варианты могут найти подтверждение в данных сравнительной мифологии и этнологии. В другой своей работе¹ я подробно описал этот метод, а также привел необходимый клинический материал.

¹ *Психология и алхимия. Часть II.*

ОБ АРХЕТИПАХ С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ К ПОНЯТИЮ АНИМЫ¹

¹ [Первоначально статья опубликована под названием «Über den Archetypus mit besonderer Berücksichtigung des Animabegriffes» в сборнике *Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete* (Лейпциг), IX (1936): 5, 259—75. Позже в переработанном виде издана в *Von den Wurzeln des Bewusstseins* (Цюрих, 1954).]

ОБ АРХЕТИПАХ С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ К ПОНЯТИЮ АНИМЫ

¹¹¹ Хотя современный человек, по всей видимости, искренне верит, будто неэмпирический подход к психологии давно в прошлом, его общее отношение к этой науке остается по большей части таким же, каким было прежде, когда психология отождествлялась с некой теорией о психическом. Дабы научный мир уяснил, что психология — это область опыта, а не философская теория, потребовалась радикальная революция в методологии, инициаторами которой выступили Фехнер¹ и Вундт². Разумеется, для усиливающегося материализма конца XIX столетия не имело ровным счетом никакого значения, что «экспериментальная пси-

¹ *Elemente der Psychophysik* (1860).

² *Grundzüge der physiologischen Psychologie*.

хология»¹, которой мы обязаны многими ценными описаниями, актуальными и сегодня, существовала и ранее. Достаточно упомянуть «Провидицу из Префорста»² доктора Юстинуса Кернера (1846). Сторонники нового научного метода предали анафеме все «романтические» описания в психологии. Преувеличенные ожидания в отношении этой экспериментальной лабораторной науки отразились в фехнеровской «Психофизике». Сегодня ее результаты принимают форму «психологических тестов» и общего сдвига научной позиции в сторону феноменологии.

- ¹¹² Тем не менее нельзя утверждать, что феноменологическая точка зрения имела значительный успех. Теория по-прежнему играет слишком большую роль и до сих пор не включена в феноменологию, как следовало бы. Даже Фрейд, чья эмпирическая установка не подлежит сомнению, увязал свою теорию как *sine qua non* со своим методом, как будто психические явления имеют смысл только в том случае, если рассматривать их под определенным

¹ См.: G. H. von Schubert, *Altes und Neues aus dem Gebiet der innern Seelenkunde* (1825–44).

² Впервые опубликована в 1829 г. [Перевод на рус. яз. см.: Кернер Ю. *Лишенные родины. Провидица из Префорста.* — Примеч. пер.]

углом. Тем не менее именно Фрейд расчистил путь для исследований сложных явлений (преимущественно в области неврозов) — впрочем, лишь в той мере, в которой это позволяли базовые физиологические постулаты. В результате сложилось впечатление, будто психология является чуть ли не ответвлением физиологии инстинктов. Материализм того времени (почти 50 лет назад) приветствовал подобное ограничение; в значительной степени это относится и к сегодняшнему дню, несмотря на изменившиеся взгляды на мир. Это дает нам не только преимущество «узко очерченной сферы деятельности», но и отличный предлог не задумываться о том, что происходит вокруг.

- ¹¹³ Медицинская психология упустила из виду, что без знаний общей феноменологии психология неврозов, например фрейдистская, буквально висит в воздухе. Также не был принят во внимание тот факт, что в области неврозов Пьер Жане еще до Фрейда начал создавать описательную методологию¹, не обременяя ее большим количеством теоретических и философских допущений. Биографические описа-

¹ *L'Automatisme psychologique* [Перевод на рус. яз. см.: Жане П. *Психический автоматизм*. — Примеч. пер.]; *L'État mental des hystériques; Névroses et idées fixes*.

ния психических явлений, выходящих за рамки сугубо медицинской области, были представлены главным образом в труде женевского философа Теодора Флурнау, а именно в его изложении психологии неординарной личности¹. За ним следует первая попытка синтеза: классическая работа Вильяма Джемса «Многообразие религиозного опыта» (1902). Именно этим двум исследователям я обязан тем, что научился понимать сущность психических нарушений в рамках человеческой психики как единого целого. Я сам в течение нескольких лет занимался экспериментальной работой, однако после интенсивных исследований неврозов и психозов был вынужден признать: как ни желательны количественные дефиниции, обойтись без качественно-описательных методов невозможно. Медицинская психология пришла к выводу, что ключевые явления в этой сфере чрезвычайно сложны; понять их можно лишь сквозь призму описаний, составленных на базе клинического материала. Этот метод, однако, предполагает отсутствие всякой теоретической предвзятости. Любая естественная наука описательна там, где эксперимент невозможен, но при этом она не перестает быть наукой. С другой стороны, экспериментальная

¹ *Des Indes à la planète Mars*, а также «Nouvelles Observations sur un cas de somnambulisme avec glossolalie».

наука сама себя делает невозможной, если ограничивает сферу своей деятельности рамками теоретических концепций. Психика не кончается там, где кончается физиологическая или любая другая теория. Иными словами, в каждом отдельном случае, который мы рассматриваем научно, следует учитывать проявления психики в их совокупности.

¹¹⁴ Эти соображения крайне важны при обсуждении любого эмпирического понятия, в том числе и понятия анимы. Вопреки распространенному предубеждению, будто речь идет о какой-то теоретической выдумке или — того хуже — о чистой мифологии, я должен подчеркнуть, что понятие анимы — понятие сугубо эмпирическое, единственная цель которого состоит в том, чтобы дать название группе родственных или аналогичных психических явлений. В этом отношении понятие анимы ничем не отличается от понятия артроподов, которое включает в себя всех членистоногих и тем самым дает этой феноменологической группе имя. Упомянутый мной предубеждение происходит, как ни печально, из невежества. Мои критики не знакомы с явлениями, о которых идет речь, ибо последние лежат по большей части за пределами медицинского знания, в области общечеловеческого опыта. Однако

психику, с которой вынужден иметь дело врач, не беспокоит ограниченность его знаний; она ведет собственную жизнь и реагирует на воздействия, исходящие из всех областей человеческого опыта. Ее природа проявляется не только в личной, инстинктивной или в социальной сферах, но и в общемировых явлениях. Следовательно, если мы хотим понять психику, область исследования должна включать весь мир. По практическим причинам мы можем — и должны — отграничить поле своей деятельности, однако это искусственное ограничение следует всегда иметь в виду. Чем сложнее явления, с которыми приходится сталкиваться на практике, тем более широкими должны быть рамки их рассмотрения и соответствующие знания.

115 Таким образом, тот, кто ничего не знает об универсальной распространенности и значении мотива *сизигии* в психологии первобытных людей¹, в мифологии, в сравнительной религии и в истории литературы, едва ли сможет что-то сказать о понятии анимы. Его познания в психологии невротиков могли бы дать ему некоторое представление о ней, но только знание ее об-

¹ В особенности я выделяю шаманизм с его представлением о «небесной жене» (Eliade, *Shamanism*, стр. 76–81).

шей феноменологии способно открыть подлинный смысл того, с чем он сталкивается в отдельных случаях, часто в патологически искаженной форме.

¹¹⁶ Хотя многие до сих пор полагают, будто единственное существенное основание наших знаний дается исключительно извне и что «*nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu*», все же верно и то, что глубоко почитаемая атомарная теория Левкиппа и Демокрита была основана вовсе не на наблюдениях за расщеплением атомов, а на «мифологических» представлениях о мельчайших частицах — крошечных живых элементах, атомах-душах, которые известны даже пребывающим в палеолите жителям центральной Австралии¹. Сколько «души» проецируется в непознанное во внешнем мире, известно всякому, кто знаком с древним естествознанием и натурфилософией. На самом деле так много, что мы не можем — и никогда не сможем — сказать, как устроен мир сам по себе, ибо, коль скоро речь идет о знаниях, мы вынуждены трансформировать физические события в психические процессы. Но кто может гарантировать, что

¹ Spencer & Gillen, *The Northern Tribes of Central Australia*, стр. 331, а также Crawley, *The Idea of the Soul*, стр. 87 и далее.

при такой конверсии получится достаточно «объективная» картина мира? Это возможно только в том случае, если физическое событие является также и психическим. Однако мы пока еще крайне далеки от такого утверждения, а потому должны, волей-неволей, довольствоваться предположением, что психика составляет те образы и формы, которые одни делают возможным познание объектов.

- ¹¹⁷ Предполагается, что эти формы передаются традицией; следовательно, сегодня мы говорим об «атомах» потому, что прямо или косвенно слышали об учении Демокрита. Но где слышал об атомах Демокрит или любой другой ученый, который впервые заговорил о мельчайших элементах? Это понятие уходит своими корнями в архетипические идеи, то есть в первичные образы, которые суть не отражения физических событий, но спонтанные продукты психического фактора. Несмотря на материалистическую тенденцию понимать психику как простое отражение или отпечаток физических и химических процессов, в пользу этой гипотезы нет ни единого доказательства. Скорее наоборот, бесчисленные факты свидетельствуют о том, что психика трансформирует физические процессы в последовательность образов, которые едва ли имеют распознаваемую

связь с объективным процессом. Материалистическая гипотеза чересчур смелая и пренебрегает опытом с почти метафизической самоуверенностью. Единственное, что мы можем установить точно, учитывая имеющиеся у нас знания, — это наше абсолютное неведение относительно природы психики. Нет никаких оснований рассматривать психику как нечто вторичное или как эпифеномен; напротив, имеются все основания понимать ее — по крайней мере гипотетически — как *factor sui generis* до тех пор, пока не будет доказано, что психические процессы можно изготовить в реторте. Раз уж мы смеемся над заверениями средневековых алхимиков, будто они могут создать *lapis philosophorum*, который состоит из тела, души и духа, считая это невозможным, следует отбросить и их логическое следствие, а именно — материалистический предрассудок в отношении психики.

118

Свести сложные психические явления к химической формуле будет непросто. Следовательно, психический фактор должен пока *ex hypothesi* считаться автономной действительностью загадочного характера, в первую очередь потому, что, исходя из известных нам фактов, он *в корне отличается* от физико-химических процессов. Даже если мы ничего не

знаем о его субстанциальности, это равным образом относится и к физическим объектам, и к материи в общем. Поэтому, если мы рассматриваем психику как независимый фактор, мы обязаны логически заключить, что существует психическая жизнь, не подчиняющаяся капризам нашей воли. Если эти качества неуловимости, поверхностности, расплывчатости и даже бесполезности присущи чему-нибудь психическому, то это главным образом относится к субъективно-психическому, то есть содержанию сознания, но не к объективно-психическому, бессознательному, которое представляет собой *априори* обуславливающий фактор сознания и его содержания. Детерминирующее влияние бессознательного, независимо от традиции, обеспечивает сходство, даже одинаковость опыта и его репрезентаций в воображении у всех индивидов. Одним из основных доказательств этому служит почти универсальный параллелизм мифологических мотивов — первичных образов, которые я назвал *архетипами*.

- 119 Один из таких архетипов, который имеет первостепенное практическое значение для психотерапевта, я назвал анимой. Этот латинский термин обозначает нечто, что не следует путать ни с христианско-догматическим, ни

с каким-либо другим из существовавших до сих пор философским понятием души. Если кто-нибудь желает составить себе более или менее конкретное представление о том, что выражено этим термином, лучше обратиться к античным авторам, таким, например, как Макробий¹, или к классической китайской философии², где анима (*P'o* или *kuei*) рассматривается как женская и хтоническая часть души. Такая параллель всегда, разумеется, сопряжена с опасностью метафизического конкретизма, которого я по возможности стараюсь избегать, но на который будет обречена всякая попытка графического описания. Здесь мы имеем дело не с абстрактным, а с эмпирическим понятием. Форма, в которой оно проявляется, становится его неотъемлемой частью, в силу чего оно не может быть описано иначе, кроме как через его специфическую феноменологию.

120 Не затронутая преходящими философскими «за» и «против» научная психология должна рассматривать те трансцендентальные воззрения, которые во все времена происходили из

¹ *Комментарий на сон Сципиона.*

² См. мою работу «Комментарий к “Тайне Золотого цветка”», абз. 57 и далее, а также Chantepie de la Saussaye, *Lehrbuch der Religionsgeschichte*, I, стр. 71.

человеческого разума как *проекции*, то есть как психические содержания, которые были экстраполированы в метафизическое пространство и гипостазированы¹. В истории мы встречаемся с анимой прежде всего в божественных сизигиях, в мужеско-женских парах божеств. С одной стороны, они теряются во мраке первобытной мифологии², с другой — восходят к философским спекуляциям гностицизма³ и китайской философии, где космогоническая пара обозначается *янь* (мужское) и *инь* (женское)⁴. Можно с уверенностью утверждать, что эти сизигии не менее универсальны, нежели существование мужчины и женщины. На основании этого факта мы можем сделать вывод, что воображение человека ограничено этим мотивом и он вынужден проецировать его повсеместно и во все времена⁵.

¹ Эта точка зрения основана на теории познания Канта и не имеет ничего общего с материализмом.

² Winthuis, *Das Zweigeschlechterwesen bei den Zentralaustraliern und anderen Völkern*.

³ Особенно в системе валентинианов. См. Irenaeus, *Adversus haereses*. [Перевод на рус. яз. см.: Ириней Лионский. *Против ересей*. — *Примеч. пер.*]

⁴ См.: И Цзин. *Книга перемен*.

⁵ Поучительные примеры в избытке содержатся в герметической алхимической философии XIV—XVII вв. Для наших целей достаточно будет ознакомиться с трудом Майкла Майера «*Symbola aeternae mensae*» (1617).

Как мы знаем из психотерапевтического опыта, проекция есть бессознательный, автоматический процесс, посредством которого бессознательное содержание субъекта переносится на объект, отчего кажется, будто оно принадлежит этому объекту. Проекция прекращается в то мгновение, когда она становится сознательной, то есть когда рассматривается как принадлежащая субъекту¹. Таким образом, политеистические небеса Античности не в последнюю очередь обязаны своей депотенциацией точке зрения, впервые высказанной Эвгемером²: боги есть не что иное, как отражения человеческого характера. В действительности отнюдь не сложно показать, что божественная пара — просто идеализация родителей или любой другой человеческой пары, которая по каким-то причинам появилась на небесах. С этим можно было бы согласиться, если бы проекция представляла собой не бес-

¹ Конечно, бывают случаи, когда несмотря на понимание (вполне удовлетворительное, на первый взгляд), реактивное действие проекции не прекращается и ожидаемое освобождение не наступает. Я неоднократно наблюдал, что в этом случае значимые, но бессознательные содержания по-прежнему остаются тесно связанными с носителем проекции и поддерживают ее эффект.

² Жил примерно за 300 лет до Р.Х. См.: Block. *Euhémère: son livre et sa doctrine*.

сознательный процесс, а сознательное намерение. Можно предположить, что собственные родители субъекта известны ему лучше других людей и осознаются им наиболее полно. Однако именно по этой причине они не могут проецироваться, ибо проекция всегда содержит нечто, что субъект не осознает и что, по всей видимости, ему не принадлежит. Посему образ родителей должен проецироваться в последнюю очередь, так как он слишком сознателен.

122 В действительности, однако, как раз имаго родителей проецируется чаще всего. Этот факт настолько очевиден, что из него вполне можно было бы заключить, что проецируются именно сознательные содержания. Наиболее отчетливо это проявляется в случаях переноса, где пациенту абсолютно ясно, что имаго отца (или даже матери) проецируется на аналитика; он даже признает в значительной мере все связанные с ними инцестуальные фантазии, не освобождаясь, впрочем, от реактивного эффекта проекции, то есть от переноса. Другими словами, он ведет себя в точности так, как если бы вообще не осознавал проекцию. Опыт показывает, что проекция никогда не бывает сознательной: проекции всегда осознаются уже после их возникновения. Таким образом, следует допустить, что с родительскими имаго,

помимо инцестуальных фантазий, связаны высоко эмоциональные содержания, требующие осознания. Очевидно, сделать их сознательными намного труднее, нежели инцестуальные фантазии, которые, как предполагается, были вытеснены посредством активного сопротивления и потому остаются бессознательными. Если мы допустим, что эта точка зрения верна, то мы вынуждены заключить, что кроме инцестуальных фантазий должны существовать содержания, вытесненные посредством еще большего сопротивления. Здесь мы оказываемся в весьма затруднительном положении: трудно представить себе нечто более отвратительное, чем инцест.

¹²³ Практический опыт подсказывает, что наряду с инцестуальными фантазиями, с родительскими имаго ассоциированы религиозные представления. Нет нужды приводить здесь исторические доказательства, они общеизвестны. А что насчет кажущейся предосудительности религиозных ассоциаций?

¹²⁴ Некто однажды заметил, что за обеденным столом в обычном обществе менее постыдно рассказывать пикантные истории, чем говорить о Боге. В самом деле, многие охотнее признают свои сексуальные фантазии, нежели во

всеуслышание согласятся с тем, что их аналитик — спаситель. Если в первом случае имеются биологические оправдания, то во втором налицо явная патология, а все патологическое вызывает у нас сильнейший страх. Мне представляется, однако, что «сопротивлению» придают чересчур большое значение. Явления, о которых идет речь, можно с таким же успехом объяснить недостатком воображения или способности к рефлексии, что делает акт осознания чрезвычайно трудным. Возможно, пациенту вовсе не свойственно сопротивление религиозным идеям — просто ему и в голову не приходит, что он может всерьез рассматривать своего аналитика как Бога или спасителя. Чтобы уберечься от таких иллюзий, достаточно здравого смысла. Гораздо быстрее, однако, он приходит к выводу, что, по мнению аналитика, спасителем является он сам. Если человек догматик, то он, как известно, с легкостью принимает других за пророков и основателей религий.

- 125 Религиозные представления, как свидетельствует история, обладают величайшей суггестивной, эмоциональной силой. К ним я причисляю, разумеется, все *représentations collectives*, все то, о чем повествует история религии, а также все то, что заканчивается на «изм».

Последнее — всего-навсего современная версия конфессиональных религий. Человек может искренне верить, будто он крайне далек от всяческих религиозных убеждений, однако никто не способен отдалиться от человечества настолько, чтобы не иметь хотя бы одной доминирующей *représentation collective*. Его материализм, атеизм, коммунизм, социализм, либерализм, интеллектуализм, экзистенциализм и так далее свидетельствуют против его невиновности. Тут или там, открыто или тайно, но он одержим некой супраординатной идеей.

126

Психолог знает, как много общего у религиозных идей с родительскими имаго. История сохранила тому потрясающие свидетельства, не говоря уже о современных медицинских открытиях; как следствие, некоторые люди пришли к выводу, будто отношения с родителями можно рассматривать в качестве подлинного источника религиозных представлений. Эта гипотеза зиждется, конечно, на плохом знании фактов. Во-первых, нельзя просто перевести семейную психологию современного человека в контекст примитивных условий, где все совершенно иначе; во-вторых, следует остерегаться плохо осмысленных фантазий относительно племенного отца и первичного

стада; и в-третьих, что самое главное, необходимо доскональным образом знать феноменологию религиозных переживаний, которая сама по себе требует тщательного изучения. Психологические исследования в этой области пока не выполнили ни одного из этих трех условий.

127 Из психологического опыта нам наверняка известно одно: теистические представления ассоциируются с имago родителей, но наши пациенты обычно их не осознают. Если соответствующие проекции не могут быть сняты посредством инсайта, то мы имеем все основания подозревать наличие эмоциональных содержаний религиозной природы, вне зависимости от рационалистического сопротивления пациента.

128 Насколько мы знаем, человек всегда и всюду находился под влиянием доминирующих представлений. Любой, кто утверждает, что это к нему не относится, просто сменил распространенную форму веры на другую ее разновидность — менее известную ему и другим людям. Вместо теизма он — ревнитель атеизма, вместо Диониса — благоволит более современному Митре, вместо неба — ищет рай на земле.

Человек без доминирующей *représentation collective* был бы совершенно аномальным явлением. Такой человек существует лишь в фантазиях тех, кто заблуждается насчет самого себя. Такие люди ошибаются не только относительно существования религиозных идей, но и — причем даже в большей степени — относительно их силы. Архетип, лежащий в основе любой религиозной идеи, обладает, как и всякий инстинкт, своей специфической энергией, которую он не теряет, даже если сознание его игнорирует. С большой долей вероятности можно утверждать, что каждому человеку присущи все обычные человеческие функции и качества; следовательно, мы можем ожидать присутствия в его психике нормальных религиозных факторов, или архетипов. Если кому-нибудь удастся сбросить оболочку веры, то это возможно только потому, что под руку попалась какая-то другая. Ни один человек не в силах этого избежать — ибо он есть человек.

В силу своей доминирующей позиции *représentations collectives*, естественно, вызывают самое активное сопротивление. Будучи вытесненными, они прячутся не за чем-то пустяковым, но за теми представлениями и фигурами, которые уже стали проблематичными (по дру-

гим причинам), тем самым лишь усиливая и усложняя их сомнительную сущность. Например, все, что нам хотелось бы приписать нашим родителям, раздувается до фантастических размеров из этого тайного источника; посему остается открытым вопрос, насколько серьезно следует воспринимать пресловутую инцестуальную фантазию. За родительской или любовной парой скрыты содержания высочайшего напряжения, которые не постигнуты сознанием, а потому могут стать доступными восприятию только через проекцию. То, что такие проекции действительно возникают, не являясь при этом отражением общепринятого мнения, доказывают исторические документы: вопреки традиционным убеждениям, сизигии не только проецировались, но и часто переживались в форме видения¹.

¹ Разумеется, наряду с этим нельзя упускать из виду тот факт, что существует, вероятно, куда больше видений, которые согласуются с догматами. Тем не менее это не спонтанные и автономные проекции в узком смысле слова, а *визуализации сознательных содержаний*, вызванные молитвой, само- и гетеросуггестией. Подобный эффект характерен для большинства духовных упражнений, а также медитативных практик Востока. При более тщательном изучении подобного рода видений необходимо установить, каким было подлинное видение и насколько сильно догматическая переработка повлияла на его форму.

Одним из самых поучительных примеров в этом отношении служит видение недавно канонизированного брата Николая из Флюэ, швейцарского мистика XV века, о видениях которого сохранились показания его современников¹. Так, брат Николай узрел Бога в двойственной форме — один раз как величественного *отца*, а другой раз как величественную *мать*. Трудно вообразить более неортодоксальную репрезентацию, ибо еще тысячу лет назад церковь изъела женский элемент из Троицы как еретический. Брат Николай был простым неграмотным крестьянином, который, несомненно, получил не более чем церковное образование и уж точно не был знаком с гностическим толкованием Святого Духа как женской и материнской Софии². Кроме того, его так называемое видение Святой Троицы является идеальным примером интенсивности проецируемого содержания. Психологическая ситуация брата Николая была исключительно подходящей для подобной проекции, ибо его сознательное представление о Боге столь мало согласовывалось с бессознательным содержа-

¹ См.: Stoeckli, *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*; Blanke, *Bruder Klaus von Flüe*.

² Своеобразную любовную историю этого самого юного эона можно найти у Ириния (См.: *Adv. haer.*, I, 2 и далее).

нием, что последнее было вынуждено проявиться в форме чужеродного и разрушительного переживания. Из этого факта следует, что это было не традиционное представление о Боге, но, напротив, «еретический» образ¹, который реализовался в зрительной форме; архетипическая интерпретация, которая вновь пробудилась к жизни абсолютно спонтанно, вне зависимости от традиции. Это был архетип божественной пары, сизигии.

¹³² Аналогичный случай — видения Гийома де Дигуйвиля², описанные в *Le Pèlerinage de l'âme*. Дигуйвиль узрел Бога на сияющем круглом троне в небесах; около него восседала Царица Небесная на троне из бурого хрусталя. Для монаха цистерианского ордена, который, как известно, отличался особой строгостью, такое видение было в высшей степени еретическим. Следовательно, условие проекции выполнено.

¹³³ Другое выразительное описание видения сизигии можно найти в биографии Анны

¹ См. мой очерк «Brother Klaus».

² В период между 1330 и 1350 гг. Гийом написал три поэмы в духе «Божественной комедии», но совершенно независимо от Данте. Он был приором цистерианского монастыря Шали в Нормандии. См.: Delacotte, *Guillaume de Digulleville: Trois Romans-poèmes du XIV siècle*. [Также см.: *Психология и алхимия*, абз. 315 и далее. — *Примеч. ред.*]

Кингсфорд, написанной Эдвардом Мейтландом. В ней автор подробно излагает свое переживание Бога, которое, как и видение брата Николая, преимущественно состояло из света. Он пишет: «Это был... Бог как Господь. Сама дуальность Его свидетельствует, что Бог есть как Субстанция, так и Сила; как Любовь, так и Воля; как женское, так и мужское; как Мать, так и Отец»¹.

¹³⁴ Этих немногих примеров должно быть достаточно, чтобы охарактеризовать опыт проекции и те ее черты, которые не зависят от традиции. Едва ли мы можем обойтись без гипотезы, что некое эмоционально окрашенное содержание уже готово в бессознательном и в определенный момент достигает проекции. Это содержание — мотив сизигии; он выражает тот факт, что мужской элемент всегда спарен с женским. Чрезвычайная распространенность и эмоциональность этого мотива доказывает, что это фундаментальный психический фактор огромной значимости; при этом неважно, по-

¹ *Anna Kingsford: Her Life, Letters, Diary, and Work*, I, стр. 130. Видение Мейтланда по форме и смыслу схоже с видением, описанным в трактате «Поймандр» (*Scott, Hermetica*, I, *Libellus I*, стр. 114 и далее), в котором духовный свет характеризуется как «мужеско-женский». Я не знаю, был ли Мэйтланд знаком с этими текстами; скорее всего нет.

нимает или нет отдельный психотерапевт или психолог, где и каким способом он оказывает влияние на его сферу деятельности. Микробы, как мы знаем, играли свою опасную роль задолго до того, как были открыты.

135 Как я уже отмечал, предполагать в сизигиях родительскую пару совершенно естественно. Женская часть, мать, соответствует аниме. Однако, поскольку по причинам, описанным выше, осознание объекта препятствует его проекции, нам не остается ничего другого, как допустить, что родители так же суть самые незнакомые из всех людей и что бессознательное отражение родительской пары так же на нее непохоже, так же чуждо и несопоставимо, как человек в сравнении с богом. Можно себе представить — и об этом уже говорилось, — что бессознательное отражение есть не что иное, как образ отца или матери, приобретенный в раннем детстве, переоцененный и впоследствии вытесненный из-за ассоциированной с ним инцестуальной фантазии. Данная гипотеза предполагает, что этот образ однажды уже был *сознательным*, ибо в противном случае он не мог бы быть «вытесненным». Кроме того, гипотеза подразумевает, что акт морального вытеснения стал бессознательным, поскольку иначе он остался бы сохраненным в сознании,

а вместе с ним и воспоминание о вытесняющей реакции, по которой можно было бы легко распознать природу вытесненного. Я не хочу подробно останавливаться на этих соображениях; подчеркну только, что, согласно общему мнению, имаго родителей формируются не в предпубертатный период или в какой-либо другой момент более или менее развитого сознания, а на начальных стадиях, в период между первым и четвертым годами жизни, когда сознание еще не обнаруживает подлинной континуальности и характеризуется островковой дискретностью. Связь с эго, необходимая для континуальности сознания, присутствует только отчасти, поэтому большая часть психической жизни протекает на этой стадии в таком состоянии, которое может быть описано только как относительно бессознательное. Во всяком случае, если бы такое состояние наблюдалось у взрослых, мы бы охарактеризовали его как сомнамбулическое, сновидческое или сумеречное. Эти состояния, как нам достоверно известно из наблюдений за маленькими детьми, всегда сопровождаются апперцепцией реальной действительности, наполненной фантазиями. Фантазийные образы превалируют над сенсорными стимулами и придают им форму в соответствии с *предсущствующим психическим образом*.

По моему мнению, большой ошибкой является предположение, будто психика новорожденного ребенка есть *tabula rasa* в том смысле, что в ней вообще ничего нет. Поскольку ребенок появляется на свет с дифференцированным, наследственно преддетерминированным, а потому индивидуализированным мозгом, то он воспринимает сенсорные стимулы, поступающие извне, *специфическим образом*, что, в свою очередь, приводит к специфическому, индивидуальному выбору и паттерну апперцепции. Есть доказательство тому, что эти наклонности суть унаследованные инстинкты и переформированные паттерны, причем последние — априорные и формальные условия апперцепции, основанные на инстинкте. Их наличие накладывает антропоморфный отпечаток на мир ребенка и сновидца. Это — архетипы, которые направляют всю фантазийную деятельность в уготованное ей русло и таким образом порождают в фантазийных образах детских сновидений, а также в бреде шизофрении удивительные мифологические параллели, которые также можно обнаружить (правда, в меньшей степени) в сновидениях нормальных людей и невротиков. Следовательно, речь здесь идет не о наследуемых *идеях*, а о наследуемых *возможностях* идей. Они являются не индивидуальными при-

обретениями, а преимущественно общими для всех, о чем свидетельствует универсальность архетипов, появляющихся всюду и во все времена¹.

¹³⁷ Архетипы не только возникают на этнологическом уровне как мифы, но и обнаруживаются в каждом индивиде. Они антропоморфизируют действительность там, где сознание более всего ограничено и ослаблено, а фантазия может выйти за рамки внешнего мира. Несомненно, первые годы жизни ребенка удовлетворяют этому условию. По этой причине мне кажется более правдоподобным, что архетипическая форма божественной сизигии поначалу скрывает и ассимилирует образ настоящих родителей, пока более развитое сознание не сможет воспринять их реальные фигуры —

¹ Губерт и Мосс (Hubert & Mauss, *Mélanges d'histoire des religions*, предисл., стр. XXIX) называют эти априорные мыслеформы «категориями», предположительно ссылаясь на Канта: «Они существуют обыкновенно в форме привычек, которые управляют сознанием, но сами, однако, являются бессознательными». Авторы полагают, что эти первичные образы даны в языке. Это предположение может быть верным в некоторых случаях, но в целом ему, конечно, противоречит тот факт, что психологией сновидений и психопатологией обнаружено множество архетипических образов и ассоциаций, которые невозможно передать посредством языка.

нередко к разочарованию ребенка. Никто не знает лучше психотерапевта, что мифологизация родителей зачастую продолжается у взрослых; отказываются от нее с величайшим сопротивлением.

138 Я припоминаю одного больного, которого представили мне как жертву чрезвычайно выраженного комплекса матери и кастрации. Несмотря на психоанализ, преодолеть комплекс так и не удалось. Без всякого намека с моей стороны мужчина подготовил несколько рисунков, в которых мать изображалась сначала как сверхчеловеческое существо, а затем — как жалкая фигура с кровавыми увечьями. Особенно поражало то, что мать очевидно подверглась кастрации, ибо перед ее окровавленными гениталиями лежали отрезанные мужские половые органы. Рисунки явно представляли собой убывающий климакс: мать — божественный гермафродит, который в дальнейшем, в результате восприятия сыном действительности и последующего разочарования в ней, лишился своего андрогинного, платоновского совершенства и превратился в жалкую старуху. Таким образом, мать с самого начала, с раннего детства сына, была ассимилирована в архетипическую идею сизигии, или конъюнкции мужского и женского; по этой причине она

казалась совершенством и сверхчеловеком¹. Последнее качество неизменно присуще архетипу; оно объясняет, почему архетип кажется странным, будто не принадлежащим сознанию, и почему при идентификации с ним он часто вызывает опустошающее изменение личности, обычно в форме мегаломании или ее противоположности.

139 Разочарование сына в действительности совершило над гермафродитической матерью акт кастрации: это был так называемый комплекс кастрации. Пациент упал со своего Олимпа детства и более уже не был сыном-героем божественной матери. Его так называемый страх кастрации был страхом перед настоящей жизнью, которая не соответствовала детским ожиданиям и повсеместно была лишена того мифологического смысла, о котором он еще смутно помнил. Его бытие было — в самом что ни на есть подлинном смысле слова — «безбожно». А это означало — хотя он этого и не осознавал — тяжелую утрату надежды и энергии. Он сам себе казался «кастрированным», что является весьма правдоподобным невротическим заблуждением — настолько правдоподоб-

¹ В соответствии с гермафродитическим Прачеловеком Платона («Пир», XIV) и с гермафродитическими Прасуществами вообще.

ным, что оно даже трансформировалось в теорию неврроза.

¹⁴⁰ Поскольку люди всегда боялись утратить связь с инстинктивной, архетипической стадией сознания, с давних пор укоренился обычай давать новорожденному, в дополнение к собственным биологическим родителям, еще и двух крестных — «крестного отца» и «крестную мать», которые должны отвечать за духовное благополучие своего крестника. Они представляют собой божественную пару, которая возникает при рождении, иллюстрируя таким образом мотив «двойного рождения»¹.

¹ «Двойное рождение» — мотив героической мифологии, согласно которому герой происходит от божественных и человеческих родителей. В большинстве мистерий и религий этот мотив играет важную роль как мотив крещения или воскрешения. Именно этот мотив привел Фрейда к заблуждению в его исследовании Леонардо да Винчи. Не принимая во внимание тот факт, что Леонардо был вовсе не единственным художником, писавшим мотив св. Анны, Марии и младенца Иисуса, Фрейд попытался свести Анну и Марию, а именно бабушку и мать, к матери и мачехе Леонардо, то есть ассимилировать картину в свою теорию. Но разве у всех других живописцев тоже были мачехи? Совершенно очевидно, что к этой насильственной интерпретации Фрейда побудила фантазия о двойственном происхождении, навеянная биографией Леонардо. Фантазия скрыла неудобную действительность (на самом деле св. Анна приходи-

Образ анимы, придающий матери сверхчеловеческий блеск в глазах сына, постепенно тускнеет под действием повседневности и погружается обратно в бессознательное, однако не лишаясь при этом своего исходного напряжения и инстинктивности. Он готов вырваться наружу и спроецироваться при первом удобном случае — в тот момент, когда женщина производит впечатление чего-то не-

лась Иисусу бабушкой) и помешала Фрейду изучить биографии других художников, которые также писали св. Анну. Упомянутое в этой работе «религиозное торможение» относилось и к самому автору. В основе теории инцеста, которой Фрейд придает столь большое значение, лежит и другой архетип — хорошо известный и часто встречающийся в героических мифах мотив инцеста. Логически его можно вывести из изначального гермафродита, который, как представляется, уходит своими корнями в доисторические времена. Всякий раз, когда какая-нибудь психологическая теория применяется насильственно, возникает вполне обоснованное подозрение, что некий архетипический образ фантазии пытается извратить действительность, тем самым подкрепляя идею Фрейда о «религиозном торможении». Однако объяснять генезис архетипов посредством теории инцеста было бы столь же результативно, как переливать воду из одного сосуда в другой. Нельзя объяснить один архетип при помощи другого, то есть невозможно сказать, откуда взялся архетип, ибо нет никакой архимедовой точки опоры вне *априорных* условий, которые он представляет.

обыкновенного. В результате мы имеем опыт Гёте с фрау фон Штейн и его последствиями в фигурах Миньоны и Гретхен. В случае Гретхен, как известно, Гёте показал нам лежащую в основе «метафизику». Любовная жизнь обнаруживает психологию этого архетипа в форме либо безграничного очарования, завышенной оценки и страстного влечения, либо мизогинии со всеми ее градациями и вариациями, которые никоим образом нельзя объяснить истинной природой соответствующего «объекта», а только переносом материнского комплекса. Этот комплекс, однако, был вызван, во-первых, ассимиляцией матери (нормальное и повсеместное явление само по себе) в предсуществующую, женскую часть архетипической «мужеско-женской» совокупности противоположностей, а во-вторых, аномально затянувшимся отделением от первичного образа матери. В действительности никто не способен выдержать полной утраты архетипов. Когда это происходит, возникает ужасное «недовольство нашей культурой», в которой никто более не чувствует себя как дома, ибо «отец» и «мать» отсутствуют. Каждый знает, насколько предусмотрительна в данном отношении религия. К сожалению, однако, очень многие задаются вопросом об «истинности» этих положений, тогда как на самом деле это вопрос

психологической потребности. Рационалистическим объяснением здесь ничего не достигнуть.

¹⁴² В случае проекции анима всегда имеет женскую форму с определенными характеристиками. Эта эмпирическая находка ни в коем случае не означает, что так сформирован архетип *как таковой*. Мужеско-женская сизигия — лишь одна из возможных пар противоположностей, хотя, конечно, самая важная в практике и самая распространенная. Она обладает многочисленными связями с другими парами, которые не обнаруживают половые различия, а потому могут быть отнесены к половой категории только с натяжкой. В частности, эти связи с их многоаспектными оттенками значения обнаруживаются в кундалини-йоге¹, в гностицизме² и прежде всего в алхимической философии³, не говоря уже о спонтанных продуктах фантазии, наблюдаемых у страдающих невротами и психозами. Если тщательно изучить все эти данные, напрашивается вывод, что архетип в спокойном,

¹ См.: Авалон, *Змеиная сила*; *Shrī-Chakra-Sambhara Tantra*; Woodroffe, *Shakti and Shakta*.

² Schultz, *Dokumente der Gnosis*; перечни Ириней, *Adversus haereses*.

³ См.: *Психология и алхимия*.

непроецированном состоянии не имеет никакой точно определяемой формы, но как таковой представляет собой *некую* структуру, которая может принимать определенные формы только в проекции.

143 На первый взгляд кажется, что это противоречит понятию «тип». Если я не ошибаюсь, это не только кажется; здесь в самом деле *есть* противоречие. С эмпирической точки зрения мы постоянно имеем дело с «типами», то есть с определенными формами, которым можно дать то или иное название. Но как только вы лишаете эти типы феноменологии, представленной частными случаями, и пытаетесь изучать их относительно других архетипических форм, они приводят вас к таким далеким ответвлениям в истории символов, что вы неизбежно приходите к выводу, что базовые психические элементы безгранично разнообразны и постоянно меняются, что превосходит все человеческие способности к воображению. Как следствие, эмпирик вынужден удовлетвориться теоретическим «как будто». В этом отношении он находится отнюдь не в худшем положении, чем физик-атомщик, даже если его метод не основан на количественном измерении, а носит морфологически описательный характер.

144 Анима — фактор чрезвычайной важности в психологии мужчины, когда речь идет об эмоциях и аффектах. Она усиливает, преувеличивает, подделывает и мифологизирует все эмоциональные связи с его работой и представителями обоих полов. Результирующие фантазии и хитросплетения — ее заслуга. Когда анима сильно констеллирована, она смягчает характер мужчины и делает его обидчивым, раздражительным, капризным, ревнивым, тщеславным и неприспособленным. Он находится в состоянии «недовольства» и распространяет это недовольство вокруг себя. Иногда объяснение существования этого синдрома можно найти в отношении мужчины к женщине, которая привлекла его аниму.

145 Анима, как я уже отмечал¹, не избежала внимания поэтов. Существуют ее превосходные описания, которые одновременно содержат сведения о символическом контексте, в который обычно заключен архетип. Прежде всего упомяну Райдера Хаггарда и его романы «Она», «Возвращение Айши» и «Дочь мудрости», а также «Атлантиду» Бенуа. Бенуа в свое время обвинили в плагиате, ибо его описание удивительно схоже с описанием Хаггарда. Кажется, ему удалось снять с себя это обвинение. «Про-

¹ См. первый очерк в этом томе.

метей» Шпиттелера содержит очень тонкие наблюдения, а его роман «Имаго» дает восхитительное описание проекции.

146 Вопрос *терапии* — проблема, которую нельзя изложить в двух словах. Я не берусь обсуждать ее здесь, но хотел бы коротко наметить мою точку зрения по этому вопросу. Молодые люди, которые еще не достигли среднего возраста (примерно до 35 лет), могут переносить без ущерба даже полную потерю анимы. На этой стадии самое важное, чтобы мужчина был мужчиной. Юноша должен быть в силах освободиться от аниматической зачарованности матерью. Существуют исключения (особенно художники), где проблема часто состоит совершенно в ином; также гомосексуальность, которая характеризуется, как правило, идентификацией с анимой. В свете признанной частотности этого явления, его интерпретация как патологического извращения весьма спорна. Как показывают психологические данные, речь идет, скорее, о неполном отделении от гермафродитического архетипа, вкупе с ярко выраженным сопротивлением идентификации с ролью одностороннего полового существа. Подобную диспозицию нельзя расценивать исключительно как негативную: она сохраняет архетип Прачеловека, который односторон-

нее половое существо в известной степени утратило.

¹⁴⁷ После достижения среднего возраста, однако, перманентная утрата анимы означает уменьшение жизненных сил, гибкости, человеческой доброты. Как правило, результатом является преждевременная ригидность, сварливость, стереотипия, фанатическая односторонность, упрямство, педантизм или же резигнация, утомленность, неряшливость, безответственность и, наконец, детская *ramollissement* со склонностью к алкоголизму. По этой причине после середины жизни связь с архетипической сферой опыта должна быть, по возможности, восстановлена¹.

¹ Наиболее важные проблемы терапии я изложил в своем очерке «Отношения между Эго и бессознательным», а также в работе «Психология переноса». Мифологические аспекты анимы см. ст. «Психологические аспекты Коры», представленную в полном издании.

IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕТИПА МАТЕРИ¹

¹ [Впервые очерк опубликован в виде лекции, «Die psychologischen Aspekte des Mutterarchetypus», в Eranos-Jahrbuch в 1938 году. В переработанном виде вошел в сборник Von den Wurzeln des Bewusstseins (Цюрих, 1954).]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХЕТИПА МАТЕРИ

1. О ПОНЯТИИ АРХЕТИПА

¹⁴⁸ Понятие Великой Матери принадлежит к области сравнительной религии и охватывает широчайший спектр типов богини-матери. Само понятие не имеет прямого отношения к психологии, ибо в этой форме образ Великой Матери редко встречается на практике, да и то при исключительных обстоятельствах. Очевидно, данный символ является производным от *архетипа матери*. Если мы попытаемся исследовать происхождение образа Великой Матери с точки зрения психологии, то отталкиваться следует именно от архетипа матери как более содержательного. Хотя подробное обсуждение *понятия* архетипа едва ли требуется на данном этапе, целесообразно дать несколько предварительных замечаний общего характера.

В былые времена, несмотря на определенное расхождение во взглядах и влияние Аристотеля, платоновскую Идею понимали как супраординатную и предсуществующую по отношению ко всем явлениям, что не вызывало особых трудностей. «Архетип» — далеко не новый термин; он использовался еще до Блаженного Августина и был синонимичен «Идее» в ее классическом, платоновском смысле. В «Герметическом Корпусе», датируемом, вероятно, третьим веком, Бог описывается как *τὸ ἀρχέτυπον φῶς*, «архетипический свет», то есть прототип всего света; иными словами, предсуществующий и супраординатный по отношению к явлению «свет». Если бы я был философом, я бы продолжил в платоновском ключе и сказал: где-то «за небесами» существует прототип или первичный образ матери, предсуществующий и супраординатный по отношению ко всем явлениям, в которых проявляется «материнское» в самом широком смысле этого слова. Но я эмпирик, а не философ; я не вправе полагать, будто мой специфический темперамент, мое личное отношение к интеллектуальным проблемам обладают универсальной значимостью. По-видимому, такое допущение приличествует только философу, который считает универсальность своих установок и наклонностей чем-то само собой ра-

зумеющимся и не признает (если только не загнать его в угол), что его философию обуславливает его «личное уравнение». Как эмпирик я должен подчеркнуть, что существует темперамент, который рассматривает идеи не просто как *nomina*, а как реальные сущности. Так уж получается — кто-то скажет, по чистой случайности, — что вот уже двести лет мы живем в эпоху, когда идеи не принято или даже неразумно считать чем-то, кроме *nomina*. Всякому, кто продолжает думать как Платон, приходится расплачиваться за свой анахронизм: он вынужден наблюдать, как «небесная», то есть метафизическая, сущность Идеи переносится в не поддающееся проверке царство веры и суеверий или же снисходительно передается в распоряжение поэтов. И вновь в извечном споре об универсалиях номиналистическая точка зрения одержала победу над реалистической, и Идея превратилась просто в *flatus vocis*. Это изменение сопровождалось (и в значительной степени было вызвано) выраженным подъемом эмпиризма, преимущества которого были слишком очевидны для интеллекта. С этого времени Идея перестает быть чем-то *априорным* и становится вторичной и производной. Естественно, новый номинализм сразу же объявил себя универсально верным, хотя и он основывается на определенном, весьма

ограниченном тезисе, окрашенном темпераментом. Этот тезис звучит так: мы признаем значимым все, что поступает извне и может быть проверено. Идеальный случай — проверка с помощью эксперимента. Соответственно, антитезис заключается в следующем: мы признаем значимым все, что идет изнутри и не может быть проверено. Бездна этой позиции очевидна. Греческая натурфилософия с ее интересом к материи, вкупе с аристотелевскими рассуждениями, одержала за последние тысячелетия, но сокрушительную победу над Платоном.

150 Однако всякая победа содержит в себе зародыш будущего поражения. В наши дни появляется все больше и больше признаков, предвещающих скорую смену подхода. Примечательно, что именно учение Канта о категориях, которое, пожалуй, как ничто другое губит уже в зачаточном состоянии всякую попытку оживить метафизику в ее прежнем смысле, в то же время прокладывает путь возрождению платоновского духа. Если не может быть метафизики, выходящей за пределы человеческого разума, то не может быть и эмпирического знания, которое не было бы ограничено *априорной* структурой познания. На протяжении полутора веков, прошедших с момента появления

«Критики чистого разума», постепенно росло убеждение в том, что мышление, понимание и рассуждение не могут рассматриваться в качестве независимых процессов, подчиненных лишь вечным законам логики; они являются *психическими функциями*, соотнесенными с личностью и подчиненными ей. Мы больше не спрашиваем: «Было ли то или это увидено, услышано, ощупано, взвешено, подсчитано, обдуманно и признано логичным?» Вместо этого мы спрашиваем: «*Кто* видел, слышал или думал?» Начиная с «личного уравнения» в наблюдении и измерении даже самых незначительных процессов, эта критическая установка привела к развитию эмпирической психологии, которой мы прежде не знали. Сегодня мы убеждены, что во всех областях знания существуют психологические предпосылки, которые оказывают ключевое влияние на выбор материала, метод исследования, характер выводов и формулировку гипотез и теорий. Мы даже пришли к убеждению, что именно личность Канта стала решающим фактором, обусловившим характер его «Критики чистого разума». Признание этой личностной предпосылки затрагивает (если не подрывает) не только измышления философов, но и наши собственные пристрастия в философии, даже то, что мы любим называть «неоспоримыми» ис-

тинами. «У нас отнимают творческую свободу! — жалуемся мы. — Что? Неужели человек думает, говорит, делает только то, что он сам *есть*?»

151 Если только мы опять не преувеличиваем и не становимся, таким образом, жертвой необузданного «психологизирования», данная критическая точка зрения, на мой взгляд, неизбежна. Она составляет сущность, источник и метод современной психологии. В основе всей человеческой деятельности лежит некий *априорный* фактор, а именно врожденная, досознательная и бессознательная индивидуальная структура психики. Досознательная психика — например, новорожденного младенца — отнюдь не пустой сосуд, который, при благоприятных обстоятельствах, можно наполнить практически всем, чем угодно. Напротив, это чрезвычайно сложная, четко определенная индивидуальная структура, которая представляется нам неопределенной только потому, что мы не можем наблюдать ее непосредственно. Однако когда начинают появляться первые видимые манифестации психической жизни, нужно быть слепцом, чтобы не распознать их индивидуальный характер, то есть стоящую за ними уникальную, неповторимую личность. Едва ли можно предположить, что все эти де-

тали возникают в самый момент их проявления. В случае если болезненные склонности уже присутствуют у родителей, мы приходим к выводу об их наследственной передаче через плазму зародыша; нам и в голову не приходит считать эпилепсию ребенка эпилептической матери необъяснимой мутацией. Наследственностью мы объясняем таланты и дарования, которые прослеживаются через целые поколения. Таким же образом мы объясняем появление сложных инстинктивных действий у животных, которые никогда не видели своих родителей, а потому не могли быть «научены» ими.

152 В наши дни мы должны начать со следующей гипотезы: в том, что касается предрасположения, между человеком и всеми остальными живыми созданиями нет существенных различий. Как и любое животное, человек обладает преформированной психикой, которая передается по наследству и которая при тщательном исследовании обнаруживает отличительные черты, присущие далеким предкам. У нас нет никаких оснований полагать, что определенные человеческие действия и функции следует исключить из этого правила. На сегодняшний день мы не имеем ни малейшего представления, какие склонности и способ-

ности делают возможным инстинктивное поведение животных. Аналогичным образом мы не можем знать природу досознательной психической предрасположенности, которая позволяет ребенку реагировать по-человечески. Мы можем лишь предположить, что его поведение проистекает из паттернов функционирования, которые я назвал *образами*. Термин «образ» предназначен для выражения не только формы текущей деятельности, но и типичной ситуации, в которой эта деятельность осуществляется¹. Эти образы являются «первичными», ибо свойственны всем представителям вида; если они когда-либо и «возникли», то их возникновение должно совпадать как минимум с зарождением вида. Это — «человеческое качество» человеческого существа, исключительно человеческая форма, которую принимают его действия. Данная специфическая форма носит наследственный характер и уже присутствует в плазме зародыша. Представление о том, что она не передается наследственным образом, а заново возникает у каждого ребенка, столь же абсурдно, как и первобытная вера в то, что солнце, которое восходит утром, вовсе не то солнце, которое зашло накануне вечером.

¹ См. мою статью «Инстинкт и бессознательное», абз. 277.

Поскольку все психическое преформировано, преформированными должны быть и индивидуальные функции, особенно те, которые непосредственно проистекают из бессознательной предрасположенности. Важнейшей из них является творческая фантазия. В продуктах фантазии первичные образы становятся видимыми, и именно здесь понятие архетипа находит свое специфическое применение. Я не претендую на то, что первым указал на данный факт. Эта честь принадлежит Платону. Первым же исследователем в области этнологии, который привлек внимание к широкому распространению определенных «элементарных идей», стал Адольф Бастиан. Позже двое последователей Дюркгейма, Губерт и Мосс¹, говорят о «категориях» воображения. Однако именно Герман Узенер² первым увидел бессознательную преформацию, скрывающуюся под видом «бессознательного мышления». Если я и причастен к этим открытиям, то мое участие состоит лишь в демонстрации того, что архетипы не только распространяются посредством традиции, языка и миграции, но и могут возникать спонтанно, в любое время, в любом месте, без какого-либо внешнего воздействия.

¹ [См. предыдущую статью «Об архетипах», абз. 136. сн. 25. — *Примеч. ред.*]

² Usener, *Das Weihnachtsfest*, стр. 3.

154 Это утверждение крайне важно: оно означает, что в психике каждого человека содержатся неосознаваемые, но в то же время активные формы — предрасположенности, идеи в платоновском смысле, которые не только определяют наши мысли, чувства и действия, но и постоянно оказывают на них влияние.

155 Снова и снова я сталкиваюсь с ошибочным представлением о том, что архетип детерминирован в отношении его содержания — другими словами, что это разновидность бессознательной идеи (если можно так выразиться). Необходимо еще раз подчеркнуть, что архетипы детерминированы не в своем содержании, а в форме, да и то в очень незначительной степени. Первичный образ детерминирован в отношении своего содержания лишь в тех случаях, когда он становится сознательным и таким образом наполняется материалом сознательного опыта. Тем не менее, как я объяснял в другой статье, его форма скорее подобна осевой системе кристалла, которая преформирует кристаллическую структуру маточной жидкости, хотя сама по себе материально и не существует. Это происходит вследствие специфического способа группировки ионов и молекул. Сам по себе архетип пуст и чисто формален; он есть не что иное, как *facultas praeformandi*, возмож-

ность репрезентации, которая задана *априори*. Наследуются не сами репрезентации, а только формы, и в этом отношении они в точности соответствуют инстинктам, которые также детерминированы лишь в отношении формы. Существование инстинктов может быть доказано не больше, чем существование архетипов, ибо они лишены конкретных манифестаций. Что касается определенности формы, наше сравнение с кристаллом весьма показательно: осевая система определяет только стереометрическую структуру, а не конкретную форму отдельного кристалла. Он может быть большим или маленьким; он может изменяться до бесконечности в зависимости от изменения размеров его граней, или из-за срачивания двух кристаллов. Единственное, что остается неизменным, — это осевая система, точнее геометрические пропорции, лежащие в ее основе. То же верно и в отношении архетипа. В принципе, он может получить название и имеет неизменное ядро значения — но всегда только в принципе и никогда по отношению к конкретным проявлениям. Аналогичным образом специфическое появление образа матери в любой конкретный момент не может быть выведено логическим путем из одного только архетипа матери и зависит от бесчисленного множества других факторов.

2. АРХЕТИП МАТЕРИ

156

Как и любой другой архетип, архетип матери отличается практически безграничным разнообразием своих проявлений. Здесь я упомяну только некоторые из наиболее характерных. Первыми по важности являются мать и бабушка, мачеха и свекровь (теща); далее следует любая женщина, с которой человек состоит в каких-либо отношениях, например няня, гувернантка или, возможно, дальняя прародительница. Затем идут женщины, которых можно было бы назвать матерями в переносном смысле слова. К этой категории принадлежат богини, в частности Божия Мать, Дева Мария, София. Мифология предлагает множество вариаций архетипа матери: мать, которая является в образе девушки в мифе о Деметре и Коре; мать-возлюбленная, как в мифе о Кибеле и Аттисе, и так далее. Другие символы матери в переносном смысле проявляются в вещах, олицетворяющих конечную цель нашего стремления к спасению: Рай, Царство Божие, небесный Иерусалим. Практически все, что вызывает у нас любовь или чувство благоговения — церковь, университет, город, страна, небо, земля, леса, моря (или другие водоемы), даже сама материя, преисподняя и луна — может быть символом матери. Данный архетип часто ассоциируется с местами

или вещами, которые символизируют плодородие: рог изобилия, вспаханное поле, сад. Он может быть связан со скалой, пещерой, деревом, родником, глубоким колодцем или с разнообразными сосудами, такими как крестильная купель, или такими чашеобразными цветами, как роза или лотос. В силу защиты, которую он подразумевает, архетип матери может принимать форму магического круга или мандалы. С архетипом матери ассоциируются полые предметы, например духовка, кухонная посуда, и, конечно же, матка, *уони*, а также все то, что имеет аналогичную форму. Дополняют этот список многие животные, например корова, заяц, звери-помощники и так далее.

157

Все эти символы могут иметь как позитивное, благоприятное значение, так и негативное, связанное со злом. Данная амбивалентность особенно ярко проявляется в богинях судьбы (Мойры, Грайи, Норны). Злыми символами являются ведьма, дракон (или любое другое прожорливое животное, такое как большая рыба или змея), могила, саркофаг, глубокие воды, смерть, мары и привидения (Эмпуса, Лилит и др.). Приведенный выше перечень, разумеется, не полон; он содержит лишь наиболее важные черты архетипа матери.

С архетипом матери ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовная экзальтация, выходящие за пределы разума; любой полезный инстинкт или импульс; все, что оказывает благотворное влияние, поддерживает, способствует росту и плодородию. Мать главенствует над местом, где происходит магическое превращение и возрождение, над преисподней и ее обитателями. В негативном плане архетип матери может подразумевать нечто тайное, скрытое, темное; бездну, мир мертвых, все поглощающее, искушающее и отравляющее; нечто, вселяющее ужас и неизбежное, как судьба. Все эти атрибуты архетипа матери были подробно описаны и обоснованы в моей книге «Символы трансформации». В ней я сформулировал амбивалентность этих качеств как «любящая и ужасная мать». Вероятно, наиболее знакомым нам историческим примером двойственной природы матери выступает Дева Мария, которая является не только матерью Бога, но и, согласно средневековым аллегориям, его крестом. В Индии под «любящей и ужасной матерью» понимают парадоксальную Кали. Философия Санкхья переработала архетип матери в понятие *пракрити* (материя) и приписала ей три *гуны* (основных качества): *самтв*а,

раджас и тамас — благость, страсть и темнота¹. Существует три основополагающих аспекта матери: ее заботливая и питающая благость, ее оргиастическая эмоциональность и ее адские глубины. Специфическая черта философского мифа, который показывает Пракрити танцующей перед Пурушей, дабы напомнить ему о «различающем знании», принадлежит не архетипу матери, а архетипу анимы, который первоначально появляется в психологии человека в тесном сплетении с образом матери.

159 Хотя фигура матери в том виде, в каком она появляется в фольклоре, более или менее универсальна, в индивидуальной психике этот образ существенно меняется. Так, практически всякого начинающего аналитика сперва поражает кажущаяся значимость личной матери. Фигура последней занимает столь важное место во всех персоналистических психологиях, что, как мы знаем, они никогда, даже в теории, не рассматривают другие важные этиологические факторы. Мой личный взгляд принципиально отличается от мнения сторон-

¹ Таково этимологическое значение трех гун. См.: Weckerling, *Anandarayamakhi: Das Glück des Lebens*, стр. 21 и далее; Garbe, *Die Samkhya Philosophie*, стр. 272 и далее.

ников других медико-психологических теорий: я приписываю личной матери лишь ограниченное этиологическое значение. Иными словами, все воздействия, которые, согласно литературе, испытывает на себе ребенок, исходят не от самой матери, а скорее от архетипа, проецируемого на нее. Последний придает ей мифологический контекст, наделяет авторитетом и нуминозностью¹. Этиологические и травматические эффекты, вызванные матерью, следует разделить на две группы: 1) соответствующие чертам характера или установкам, действительно свойственным матери, и 2) относящиеся к чертам, которые лишь кажутся присущими матери и которые в реальности состоят из более или менее фантастических (то есть архетипических) проекций со стороны ребенка. Сам Фрейд убедился, что реальная этиология неврозов заключается не в травматических эффектах, как он полагал сначала, но в особенностях развития детского воображения. Это не исключает того, что нарушение можно проследить до пагубных влияний со стороны матери. Лично я взял за правило сперва искать причину детского невроза в ма-

¹ Американская психология может снабдить нас бесчисленным множеством примеров. Злая, но вместе с тем поучительная сатира на эту тему — Philip Wylie, *Generation of Vipers*.

тери: опыт подсказывает мне, что ребенок скорее склонен развиваться нормально, нежели невротически, и что в большинстве случаев причина расстройства кроется в родителях, особенно в матери. Элементы детских ненормальных фантазий могут быть отнесены к матери лишь отчасти, ибо они часто содержат четкие и однозначные аллюзии, которые не могут быть связаны с человеческими существами. Особенно это справедливо в отношении явных мифологических продуктов, как это часто бывает в случае детских фобий, где мать может представлять в образе дикого зверя, ведьмы, привидения, великана-людоеда, гермафродита и так далее. Необходимо помнить, однако, что такие фантазии не всегда происходят из мифологических источников; даже если это и так, они вовсе не обязательно уходят своими корнями в бессознательный архетип, ибо могут быть навеяны сказками или случайными замечаниями. По этой причине в каждом отдельном случае требуется тщательное исследование. По практическим соображениям с детьми такое исследование провести не так легко, как со взрослыми: в отличие от детей, большинство взрослых во время лечения переносят свои фантазии на врача — точнее, фантазии проецируются на него автоматически.

Когда это происходит, доктор ничего не добьется, отмахнувшись от них как от нелепости, ибо архетипы суть неотчуждаемое достояние каждой психики. Они — «сокровища в царстве сумрачных мыслей», о которых говорил Кант и которым мы находим подтверждение в бесчисленных мотивах сокровищ в мифологии. Архетип никоим образом не является просто досадным предрассудком; он становится таковым лишь тогда, когда оказывается в ненадлежащем месте. Как таковые архетипические образы принадлежат к высочайшим ценностям человеческой психики; именно они с незапамятных времен населяли небеса всех народов. Отбросив их как не представляющие ценности, мы понесем существенную утрату. Наша задача, следовательно, не в том, чтобы отрицать архетип, а в том, чтобы разрушить проекции и вернуть их содержания индивиду, который невольно утратил их вследствие проецирования вовне.

3. МАТЕРИНСКИЙ КОМПЛЕКС

Архетип матери составляет основу так называемого материнского комплекса. Вопрос о том, может ли этот комплекс развиваться без участия матери как доступного наблюдению каузального фактора, остается открытым. Мой

собственный опыт приводит меня к выводу, что мать всегда играет активную роль в возникновении расстройства, особенно в детских неврозах и в неврозах, этиология которых несомненно восходит к раннему детству. В любом случае при нарушении инстинктов ребенка происходит констелляция архетипов, которая, в свою очередь, вызывает фантазии, вклинивающиеся между ребенком и его матерью в виде чужеродных и часто пугающих элементов. Таким образом, если дети сверхтревожной матери постоянно видят ее во сне в образе ужасного животного или ведьмы, эти переживания свидетельствуют о расщеплении в детской психике, предрасполагающем к неврозу.

А. Материнский комплекс у сына

¹⁶² Эффекты материнского комплекса варьируют в зависимости от того, проявляется он у сына или у дочери. Типичные последствия у сына включают гомосексуальность и донжуанство, иногда также импотенцию¹. При гомосексуальности гетеросексуальность сына привязана к матери в бессознательной форме; при донжуанстве он бессознательно ищет свою

¹ Значительную роль в этом играет и комплекс отца.

мать в любой женщине. Влияние материнского комплекса на сына можно увидеть в идеологии типа Кибелы—Аттиса: самокастрация, безумие и ранняя смерть. Из-за половых различий материнский комплекс у сына не проявляется в чистой форме. Вот почему в каждом мужском комплексе матери, бок о бок с архетипом матери, значительную роль играет образ женского начала — анимы. Мать является первым существом женского пола, с которой будущий мужчина вступает в контакт. Она не может не играть — будь то явно или скрыто, сознательно или бессознательно — на маскулинности сына; сын же, в свою очередь, все больше и больше осознает феминность своей матери или бессознательно, инстинктивно реагирует на нее. Следовательно, в случае с сыном в простые отношения идентификации или сопротивления и дифференциации постоянно вмешивается эротическое притяжение или отталкивание, что существенно осложняет ситуацию. Я не хочу сказать, что по этой причине материнский комплекс у сына следует рассматривать как более серьезный, чем у дочери. Исследования этих сложных психических феноменов все еще находятся в начальной стадии. Мы не вправе делать никаких сравнений, пока не получим статистических данных, а их пока не предвидится.

Только у дочери комплекс матери проявляется четко и без осложнений. Здесь мы сталкиваемся либо с чрезмерным развитием женских инстинктов, косвенно вызванным матерью, либо с их ослаблением вплоть до полного угасания. В первом случае преобладание инстинкта мешает дочери осознать свою собственную личность; во втором случае инстинкты проецируются на мать. На сегодняшний день мы вынуждены довольствоваться утверждением, что материнский комплекс у дочери либо излишне стимулирует, либо подавляет женский инстинкт, а у сына повреждает мужской инстинкт посредством неестественной сексуализации.

Поскольку понятие «материнский комплекс» заимствовано из психопатологии, оно всегда ассоциируется с идеей травмы и болезни. Однако если извлечь это понятие из жестких рамок психопатологического контекста и посмотреть на него шире, мы увидим и позитивные аспекты. Так, у мужчины с материнским комплексом может наличествовать четко дифференцированный Эрос¹ вместо гомосексуальности или в дополнение к ней. (Нечто подобное описывает Платон в своем «Пире».)

¹ [См.: *Психология бессознательного*, абз. 16 и далее. — *Примеч. ред.*]

Благодаря этому у него сильно развита способность к дружбе, которая часто порождает удивительную чуткость и отзывчивость между мужчинами и даже делает возможными дружеские отношения с женщинами. Такой человек может иметь хороший вкус и эстетическое чувство, которые в нем питают женские черты. Он может быть крайне одаренным как учитель из-за почти что женской проницательности и такта. Вероятно, ему будет присуща склонность к истории и консерватизм в лучшем смысле, а также бережное отношение к ценностям прошлого. Часто он наделен сильными религиозными чувствами, которые помогают воплотить в жизнь *ecclesia spiritualis*, и духовной восприимчивостью, которая делает его чутким к божественному откровению.

- 165 Аналогичным образом то, что в своем негативном аспекте является донжуанством, может проявиться с положительной стороны как смелая и решительная мужественность; честолоубивое стремление к высоким целям; противодействие глупости, недалекости, несправедливости и лени; готовность приносить жертвы ради того, что считается правильным, иногда граничащая с героизмом; упорство, непоколебимость и сила воли; любопытство, которое не отступает даже перед загадками вселенной;

и, наконец, революционный дух, который стремится изменить мир.

¹⁶⁶ Все эти возможности отражены в мифологических мотивах, перечисленных ранее как различные аспекты архетипа матери. Поскольку я уже рассматривал материнский комплекс у сына, включая сложности, обусловленные анимой, в другой своей работе, а также поскольку темой настоящей статьи является архетип матери, в дальнейшем изложении обсуждение мужской психологии будет отодвинуто на второй план.

В. Материнский комплекс у дочери¹

¹⁶⁷ **(а) Гипертрофия материнского элемента.** Мы уже отмечали, что у дочери архетип матери приводит либо к гипертрофии, либо к атрофии

¹ В данном разделе я хочу представить ряд различных «типов» комплекса матери; формулируя их, я исхожу из своего собственного терапевтического опыта. «Типы» — это не индивидуальные случаи и не произвольно выдуманные категории, охватывающие все индивидуальные случаи. «Типы» — это идеальные примеры или модели усредненного опыта, с которыми нельзя отождествить ни один конкретный случай. Люди, чей опыт ограничивается книгами или психологической лабораторией, не в состоянии составить правильное представление о совокупном опыте, который накапливает практикующий психолог.

женского начала. Преобладание женской стороны означает усиление всех женских инстинктов, прежде всего материнского инстинкта. Негативный аспект наблюдается в женщине, чьей основной целью является рождение детей. Муж для нее отходит на второй план; в первую очередь он — инструмент для произведения потомства; она считает его лишь объектом, о котором нужно заботиться так же, как о детях, бедных родственниках, котях, собаках и домашнем хозяйстве. Даже ее собственная личность имеет лишь второстепенное значение; она часто не осознает этого, ибо ее жизнь протекает в других людях и через них, в более или менее полной идентификации со всеми объектами ее заботы. Произведя на свет детей, она цепляется за них, ибо без них она не существует. Подобно Деметре, она своей упрямой настойчивостью заставляет богов наделить ее правом владения дочерью. Ее Эрос развивается исключительно как материнская функция, оставаясь бессознательным как личная. Бессознательный Эрос всегда выражается в воле к власти¹. Женщины этого типа хотя и продолжают «жить для других», на самом деле не способны на какие-либо реальные

¹ Это утверждение основывается на многократных наблюдениях, показывающих, что там, где нет любви, вакуум заполняется властью.

жертвы. Влекомые беспощадной жадой власти и фанатичным упором на свои материнские права, они часто преуспевают в уничтожении не только своей собственной личности, но и личной жизни своих детей. Чем меньше такая мать осознает свою личность, тем сильнее и неистовее ее бессознательная воля к власти. Для многих таких женщин подходящим символом будет скорее Баубо, нежели Деметра. Разум такой женщины не культивируется и обычно остается в своем первоначальном состоянии — примитивным, разобщенным и безжалостным, хотя столь же истинным и иногда столь же глубоким, как сама Природа¹. Женщина не знает об этом, а потому не способна оценить изощренность своего ума или философски восхищаться его глубиной; похоже, она немедленно забывает то, что говорит.

168

(b) Чрезмерное развитие Эроса. Это никоим образом не означает, что комплекс, вызванный у дочери такой матерью, должен обязательно привести к гипертрофии материнского инстинкта. Наоборот, этот инстинкт может совершенно исчезнуть. На смену ему приходит

¹ В своих английских семинарах [текст распространялся только среди участников] я назвал это «природным разумом».

чрезмерно развитый Эрос, и это почти всегда ведет к бессознательной инцестуальной связи с отцом¹. Усиленный Эрос придает ненормальное значение личности других людей. Ревность к матери и желание превзойти ее становится лейтмотивом всех дальнейших действий, последствия которых часто оказываются губительными. Для женщины этого типа романтические и сенсационные приключения становятся самоцелью; она интересуется женатыми мужчинами не столько ради них самих, сколько из-за их женатого положения и, следовательно, возможности разрушить их брак, что является единственной целью ее маневров. Как только цель достигнута, ее интерес улетучивается из-за отсутствия какого бы то ни было материнского инстинкта, и наступает черед следующей страсти². Данный тип отличается значительной степенью бессознательности. Кажется, что такие женщины поистине слепы к тому, что они делают³, так как от их действий

¹ Здесь инициатива исходит от дочери. В остальных случаях ответственность несет психология отца: его проекция анимы вызывает инцестуальную фиксацию у дочери.

² В этом заключается разница между этим типом комплекса и связанным с ним женским комплексом отца, при котором «отца» опекают и лелеют.

³ Это не значит, что они не осознают *фактов*. От них ускользает только *смысл* фактов.

не выигрывают ни они, ни их жертвы. Едва ли стоит упоминать о том, что для мужчин с пассивным Эросом этот тип представляет отличную возможность для проекций анимы.

169

(с) Идентификация с матерью. Если материнский комплекс у женщины не приводит к чрезмерному развитию Эроса, он ведет к идентификации с матерью и параличу женской инициативы у дочери. В дальнейшем происходит полное проецирование ее личности на мать, ибо она не осознает ни свой материнский инстинкт, ни свой Эрос. Все, что напоминает дочери о материнстве, ответственности, личных взаимоотношениях и эротических потребностях, вызывает чувство неполноценности и принуждает ее убегать — разумеется, к матери, которая кажется дочери совершенством, которое сама она достичь не в состоянии. Как разновидность суперженщины (которой дочь невольно восхищается), мать заранее переживает все то, что ее дочь могла бы пережить сама. Последняя цепляется за мать с бескорыстной преданностью, но в то же время бессознательно стремится, почти против своей воли, к тираническому господству над ней под маской абсолютной верности и преданности. Дочь ведет существование тени; часто она полностью истощена, высосана до дна своей ма-

терью, которой она продлевает жизнь неким подобием переливания крови. Это не значит, что такие бескровные девушки никогда не вступают в брак. Напротив, несмотря на их сходство с тенью и пассивность, они высоко ценятся на рынке невест. Во-первых, они настолько пусты, что мужчина волен вложить в них все, что ему хочется. А во-вторых, они настолько бессознательны, что это бессознательное вытягивает бесчисленное множество невидимых щупалец, которые поглощают все мужские проекции, а это невероятно нравится мужчинам. Вся эта женская неопределенность представляет собой вожденную противоположность мужской решительности и целеустремленности, которая может быть достигнута только в том случае, если мужчине удастся избавиться от всего сомнительного, неоднозначного, смутного и неясного, спроецировав сие на какой-нибудь очаровательный образчик женской невинности¹. Из-за характерных для женщины пассивности и чувства неполноценности, которые заставляют ее постоянно играть оскорбленную невинность, мужчина обнаруживает себя в весьма привле-

¹ Женщина этого типа оказывает удивительно обезоруживающее воздействие на мужа, но только до тех пор, пока он не обнаружит, что женщина, на которой он женился и с которой делит семейное ложе, — его теща.

кательной роли: он снисходительно и терпеливо мирится с женскими слабостями, подобно настоящему рыцарю. (К счастью, он и не подозревает, что эти недостатки в основном состоят из его собственных проекций.) Пресловутая девичья беспомощность привлекает особо. Девушка настолько привязана к своей матери, что может лишь смущенно трепетать при приближении мужчины. Она ничего ни о чем не знает. Она так неопытна и так нуждается в помощи, что даже самый нежный обожатель становится дерзким и жестоким похитителем, отнимающим дочь у любящей матери. Такая чудесная возможность выдать себя за Лотарио представляется не каждый день и, следовательно, является сильным стимулом. Именно так Плутон похитил Персефону у безутешной Деметры. Однако, согласно воле богов, каждое лето он обязан возвращать свою жену теще. (Внимательный читатель заметит, что такие легенды не родятся на пустом месте!)

170

(d) Соппротивление матери. Эти три крайних типа связаны между собой множеством промежуточных стадий; я приведу только один пример, заслуживающий особого внимания. В этом промежуточном типе проблема заключается не столько в чрезмерном развитии или торможении женских инстинктов, сколько

в непреодолимом сопротивлении материнскому превосходству. Это ярчайший пример негативного комплекса матери. Девиз данного типа гласит: «Все, что угодно, лишь бы это отличалось от матери!» С одной стороны, мы имеем сильное влечение, которое никогда не достигает степени идентификации, с другой — усиление Эроса, который истощает себя в ревностном сопротивлении. Дочь этого типа знает, чего она *не* хочет, но обычно находится в полной растерянности относительно выбора своей судьбы. Все ее инстинкты сосредоточены на матери в негативной форме противостояния, а потому бесполезны в построении собственной жизни. Если она и выходит замуж, то либо замужество используется с единственной целью избавления от матери, либо же злая судьба награждает ее мужем, которому свойственны все основные черты характера ее матери. Все инстинктивные процессы сталкиваются с неожиданными трудностями; либо половая сфера не функционирует должным образом, либо дети являются нежелательными, либо материнские обязанности кажутся невыносимыми, либо исполнение супружеского долга вызывает раздражение. Это вполне естественно, ибо ничто из вышеперечисленного не имеет ни малейшего отношения к реальной действительности, если упорное сопротивле-

ние власти матери в любой форме становится главной целью жизни. В таких случаях атрибуты архетипа матери часто проявляются в каждой детали. Например, мать как представитель семьи (или клана) вызывает либо ярое сопротивление, либо полное равнодушие ко всему, что касается семьи, местной общины, общества, традиций и т.п. Противостояние матери как *uterus* часто проявляется в менструальных нарушениях, неспособности к зачатию, отвращении к беременности, кровотечениях, чрезмерной рвоте во время беременности, выкидышах и т.д. Мать как *materia* может лежать в основе нетерпеливого отношения к предметам, неловкого обращения с посудой, плохого вкуса в одежде.

171 Опять же, сопротивление матери иногда может привести к спонтанному развитию интеллекта с целью создания сферы интересов, где для матери нет места. Источником этого развития выступают потребности самой дочери, а вовсе не мужчины, которого она хотела бы поразить подобием интеллектуальной дружбы. Реальная цель заключается в разрушении власти матери посредством интеллектуальной критики и более глубоких знаний, с тем чтобы перечислить ей все ее глупости, логические ошибки и недостатки в образовании. Интел-

лектуальное развитие часто сопровождается появлением мужских черт в общем.

С. Положительные аспекты материнского комплекса

172 (а) **Мать.** Положительный аспект первого типа, а именно чрезмерное развитие материнского инстинкта, идентичен тому общеизвестному образу матери, который прославлялся во все времена и на всех языках. Это материнская любовь — наиболее трогательное и незабываемое воспоминание в нашей жизни, таинственный источник развития и изменений; любовь, которая означает возвращение домой, убежище и долгую тишину, с которой все начинается и в которой все заканчивается. Это — близко знакомая каждому и в то же время непостижимая, как сама Природа, нежная и вместе с тем жестокая, как судьба, счастливая и неутрачиваемая дарительница жизни, *mater dolorosa*; это — безмолвные, неумолимые врата, которые захлопываются за мертвыми. Мать есть материнская любовь, *мой* опыт и *моя* тайна. Зачем говорить слишком много — ибо всегда есть риск сказать много ложного, неподходящего и неуместного — о человеке, который был нашей матерью, случайным носителем величайшего опыта, включающего и ее, и меня, и все

человечество, и даже всю сотворенную природу, опыт жизни, детьми которой мы являемся? Попытки облечь все это в слова предпринимали и, вероятно, будут предпринимать всегда; однако чуткий сын или дочь не могут, по справедливости говоря, взвалить столь огромное бремя смысла, ответственности, обязанностей, рая и ада на плечи одного слабого, склонного к ошибкам человеческого существа — существа, заслуживающего любви, снисхождения, понимания и прощения, — каким была наша мать. Мы знаем, что мать несет для нас врожденный образ *mater natura* и *mater spiritualis*, образ всей жизни, маленькой и беспомощной частью которой мы являемся. Мы должны без колебаний снять это ужасное бремя с человеческой матери как ради самих себя, так и ради нее. Именно этот тяжелый груз значения связывает нас с матерью и приковывает ее к своему ребенку в ущерб физическому и психическому состоянию обоих. От материнского комплекса нельзя избавиться, слепо сведя мать к человеческим пропорциям. Кроме того, мы рискуем разложить опыт «мать» на атомы, уничтожив таким образом что-то в высшей степени ценное, и не воспользоваться золотым ключиком, который положила в нашу колыбель добрая фея. Вот почему человечество всегда инстинктивно добавляло к личным родителям

предсуществующую божественную пару — «крестных» мать и отца новорожденного — с тем, чтобы в своей бессознательности или недальновидном рационализме он никогда не забывал себя настолько, чтобы наделить божественностью своих собственных родителей.

173 На самом деле архетип есть не столько научная проблема, сколько насущный вопрос психической гигиены. Даже если бы все доказательства его существования отсутствовали и все умные люди мира сумели бы убедить нас, что ничего такого существовать не может, мы бы тотчас их придумали, дабы помешать нашим высшим и самым важным ценностям утонуть в бессознательном. Ибо если они перейдут в сферу бессознательного, целый пласт первоначального опыта будет утрачен. То, что возникнет на его месте потом, будет фиксацией на имago матери; когда же она будет достаточно обоснована и «скорректирована», мы окажемся прочно связаны с человеческим разумом и обречены впредь верить только в то, что рационально. С одной стороны, это достоинство и преимущество, с другой — ограничение и обеднение, ибо подводит нас к сумрачности доктринерства и «просвещения». Этот *Déesse Raison* излучает обманчивый свет, который освещает только то, что мы уже знаем,

но покрывает мраком все то, что нам нужно знать и сознать больше всего. Чем независимее притворяется «разум», тем больше он превращается в чистую интеллектуальность, которая на место реальности ставит доктрину и показывает нам человека не таким, каким он является, а таким, каким она хочет, чтобы он был.

174 Понимает человек архетипы или нет, он должен сознать их мир, ибо в нем он по-прежнему является частью Природы и связан со своими корнями. Картина мира или социальный порядок, которые отсекают его от первичных образов жизни, не только не содержат в себе признаков культуры, но все больше уподобляются темнице или хлеву. Если первичные образы в той или иной форме остаются осознанными, их энергия беспрепятственно вливается в человека. Когда же поддерживать контакт с ними невозможно, эта энергия — источник притяжения, лежащего в основе детского родительского комплекса — возвращается в бессознательное. Тогда бессознательное обретает силу, действующую как непреодолимая *vis a tergo* по отношению к любой точке зрения, идее или тенденции, которыми интеллектуально удобно размахивать перед нашими вожделяющими глазами. В итоге человек отдается своей

сознательной стороне, и разум становится судьей правильного и неправильного, доброго и злого. Я далек от того, чтобы преуменьшать божественный дар разума, наивысшую способность человека. Но в роли абсолютного тирана он лишен смысла — как свет в мире, в котором не существует его противоположности, тьмы. Человек должен неуклонно следовать мудрым советам матери и подчиняться безжалостному закону природы, которая устанавливает ограничения для каждого существа. Он никогда не должен забывать, что мир существует только благодаря равновесию противоположных сил: рациональное уравнивается иррациональным, а то, что планируется и ставится целью, — тем, *что существует*.

175 Эта экскурсия в царство общих утверждений была неизбежной, ибо мать является первым миром ребенка и последним миром взрослого. Как ее дети мы все закутаны в мантию этой великой Исиды. Но вернемся к типам женского комплекса матери. Может показаться странным, что материнскому комплексу у женщины я посвящаю больше времени, нежели материнскому комплексу у мужчины. Причину этого я уже указывал: у мужчины материнский комплекс никогда не бывает «чистым», он всегда смешан с архетипом анимы. Вследствие этого

суждения мужчины о матери всегда эмоционально необъективны в том смысле, что они обнаруживают «анимозность». Лишь у женщин можно проследить влияние архетипа матери без примеси анимозности, да и то мы можем рассчитывать на успех лишь в том случае, если не развился компенсаторный анимус.

176

(b) Чрезмерное развитие Эроса. Выше я нарисовал весьма непривлекательный портрет данного типа, каким он предстает в области психопатологии. Однако, будучи непривлекательным с виду, этот тип обладает положительными аспектами, без которых общество вряд ли может обойтись. В самом деле, даже за худшим, на первый взгляд, его последствием — беззастенчивым разрушением браков — мы можем видеть в высшей степени значимый и целесообразный механизм природы. Данный тип часто развивается как реакция на мать, которая всецело является пленницей природы — сугубо инстинктивной и потому всепоглощающей. Такая мать — анахронизм, возврат к примитивной стадии матриархата, когда мужчина влачит бесцветное существование как производитель потомства и раб земли. Реактивное усиление Эроса дочери нацелено на некоего мужчину, которого следует спасти от преобладания женско-материнского элемента

в его жизни. Женщина этого типа инстинктивно вmeshивается под влиянием бессознательного своего супруга. Она нарушает тот уютный покой, который так опасен для личности мужчины, но который зачастую рассматривается им как супружеская верность. Спокойствие, удовлетворенность жизнью приводит мужчину к полной бессознательности в отношении своей собственной личности и к тем, по общему мнению, идеальным бракам, где мужчина является только папой, а женщина — мамой. Они так друг друга и называют. Это скользкий путь, который может легко низвести брак до простого размножения.

177 Женщина этого типа направляет сияющий луч своего Эроса на мужчину, чья жизнь задыхается в тисках материнской заботливости, и тем самым вызывает моральный конфликт. Однако без него не может быть сознания личности. «Но почему, — спросите вы, — человек обязательно, во что бы то ни стало, должен достичь высшего уровня сознания?» Это поистине ключевой вопрос, и мне нелегко ответить на него. Вместо ответа я могу лишь признаться, во что верю сам: я верю, что спустя тысячи, миллионы лет кто-нибудь обязательно осознает, что этот чудесный мир гор и океанов, солнц и лун, галактик и туманностей, растений

и животных *существует*. Однажды с невысокого холма на равнине Ати в Восточной Африке я наблюдал за громадным стадом диких животных, пасущихся в беззвучной тиши, как они это делали с незапамятных времен, и лишь легкий ветерок первозданного мира нарушал их покой. Тогда я почувствовал себя первым человеком, первым существом, которое знает, что все это *есть*. Весь мир вокруг меня еще пребывал в первобытном состоянии, он не знал, что он *есть*. Но в то самое мгновение, когда я это осознал, мир начал существовать; не будь того момента, этого никогда бы не случилось. Вся Природа стремится к этой цели и находит ее осуществленной в человеке, но только в самом высокоразвитом и полностью сознательном. Каждый, даже самый маленький шаг вперед на этом пути осознания обогащает мир.

- ¹⁷⁸ Нет сознания без различения противоположностей. Это отцовский принцип, Логос, который вечно стремится вырваться из первобытного тепла и темноты материнского лона; одним словом, из бессознательного. Божественное любопытство жаждет родиться и не боится конфликтов, страданий, греха. Для Логоса бессознательное — первобытный грех, само зло. Поэтому его первый созидательный

акт освобождения — это матереубийство; дух, который бросил вызов всем высотам и глубинам, должен, как говорит Синезий, претерпеть божественное наказание, будучи прикованным к скалам Кавказа. Ничто не может существовать без своей противоположности; двое были одним в начале и вновь будут одним в конце. Сознание может существовать только через постоянное признание бессознательного, подобно тому, как все живое должно пройти через множество смертей.

179 Раздувание конфликта — люциферова добродетель в истинном смысле этого слова. Конфликт порождает огонь, огонь аффектов и эмоций, и, как всякий другой огонь, обладает двумя аспектами: он сжигает и одновременно дарует свет. Эмоция, с одной стороны, является алхимическим огнем, чье тепло оживляет все сущее и чей жар обращает любые излишества в пепел (*omnes superfluitates comburit*). Но, с другой стороны, эмоции — это миг, когда сталь сталкивается с кремнием и возникает искра, ибо эмоции — это основной источник сознания. Без эмоций нет перехода от тьмы к свету или от инерции к движению.

180 Женщина, судьба которой заключается в нарушении равновесия, играет сугубо деструк-

тивную роль только в патологических случаях. Обычно нарушительница спокойствия на себе испытывает порожденные ею потрясения; вызывая перемены, она меняется сама, и зажженный ею огонь освещает и просвещает все жертвы этих перипетий. То, что казалось бессмысленной суетой, становится очищением:

Мусор ответится,
Сущность зардеется¹.

¹⁸¹ Если женщина этого типа остается бессознательной относительно своей функции, если она не знает, что она

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла², —

то сама гибнет от меча, который приносит. Сознание же превращает ее в освободительницу и спасительницу.

¹⁸² (с) «Только» дочь. Женщина третьего типа, которая столь сильно идентифицирует себя с матерью, что ее собственные инстинкты парализуются в силу проекции, вовсе не обязательно должна из-за этого навсегда оставаться безнадежным ничтожеством. Напротив, если

¹ Гёте И. *Фауст*. Часть II, акт 5.

² Там же, часть I, акт 1.

она вполне нормальна, высока вероятность, что пустой сосуд заполнится сильной проекцией анимы. В действительности судьба такой женщины зависит именно от этой случайности; она может никогда не найти себя, даже приблизительно, без помощи мужчины; она должна быть буквально похищена или украдена у матери. Более того, она вынуждена старательно играть запланированную для нее роль до тех пор, пока наконец не возненавидит ее. Таким образом она, возможно, откроет для себя, кем она является на самом деле. Такие женщины могут стать преданными, готовыми на самопожертвование женами мужей, чье существование зиждется на идентификации с профессией или большим талантом, но которые в остальном остаются бессознательными. Поскольку они сами есть не что иное, как маски, их жены должны уметь подыгрывать им, создавая видимость естественности. Иногда, впрочем, такие женщины одарены ценными качествами, остающимися нераскрытыми только из-за того, что они совершенно не осознают собственную личность. Они могут проецировать этот дар или талант на мужа, который их лишен, и тогда мы наблюдаем, как совершенно ничтожный человек, который, казалось бы, не имел никаких шансов, вдруг воспаряет, будто на ковре-самолете, к самым вершинам

успеха. *Cherchez la femme* — вот в чем его секрет. Эти женщины напоминают мне — прошу прощения за столь грубое сравнение — здоровенных сук, которые поджигают хвост перед крошечным кобелем только потому, что он — ужасный самец; им и в голову не приходит укусить его.

183 Наконец, следует отметить, что *пустота* — великая женская тайна. Это нечто, абсолютно чуждое мужчине; бездна, неизмеримые глубины, *инь*. Пустое небытие вызывает жалость в его сердце (здесь я говорю как мужчина), и невольно возникает искушение сказать, что в этом-то и заключается «загадка» женщины. Такая женщина — сама судьба. Мужчина может говорить все, что ему угодно; он может быть за и против или и то и другое одновременно; но, в конце концов, он счастливо падает в эту яму; а если нет, то упускает свой единственный шанс стать мужчиной. В первом случае никто не сможет разубедить его в глупой удаче, во втором — заставить поверить в злую судьбу. «Матери... Звучит необычайно»¹. С этим вздохом, который скрепляет капитуляцию мужчины, когда он приближается к царству Матерей, мы обратимся к четвертому типу.

¹ Там же, часть II, акт I.

Д. Негативный материнский комплекс

184

Как патологический феномен, женщина этого типа — неприятный, требовательный, но только не удовлетворительный партнер для своего мужа, ибо каждая ее клетка восстает против всего, что вырастает из натуральной почвы. Однако нет причин, по которым накопленный опыт не должен кое-чему ее научить. Для начала она отказывается от борьбы с матерью в личном и узком смысле. Тем не менее, вопреки всем стараниям, она останется враждебной по отношению ко всему темному, неясному и неоднозначному и будет культивировать и акцентировать все определенное, ясное и разумное. Превосходя свою более женственную сестру объективностью и рассудительностью, она может стать другом, сестрой и компетентным советчиком для мужа. Ее собственные мужские устремления позволяют ей по-человечески понимать индивидуальность мужа даже за пределами сферы эротических отношений. По сравнению с другими, у женщины с материнским комплексом данного типа больше шансов на успешный брак на протяжении второй половины жизни. Но это верно лишь в том случае, если ей удастся преодолеть ад «ничего, кроме феминности», хаос материнского лона, который представля-

ет для нее наибольшую опасность. Как мы знаем, реальное преодоление комплекса возможно только через полное его изживание. Другими словами, чтобы развиваться дальше, мы должны испить чашу до дна, не гнушаясь даже тем, что до сих пор, вследствие наших комплексов, старались не замечать.

185

Женщина этого типа живет, отвернув лицо, подобно жене Лота, которая оглядывается на Содом и Гоморру. Мир и жизнь проходят мимо нее как сон — досадный источник иллюзий, разочарований и раздражений, которые вызваны исключительно тем фактом, что она даже на миг не может заставить себя взглянуть вперед. Из-за бессознательного, реактивного отношения к реальности в ее жизни господствует то, против чего она вела самую ожесточенную борьбу, — сугубо материнский женский аспект. Но если позднее такая женщина все же заставит себя повернуть голову, то она в первый раз увидит мир, так сказать, в свете зрелости, увидит его раскрашенным во все цвета с присущими ему чарующими чудесами юности, а иногда и детства. Это — видение, которое приносит знание и открывает истину, необходимое условие сознания. Хотя часть жизни будет уже безвозвратно потеряна, она все же уловит ее смысл.

Женщина, которая борется против отца, способна вести инстинктивное, женское существование, поскольку отвергает только то, что ей чуждо. Когда же женщина борется против матери, она может, рискуя нанести вред своим инстинктам, достичь большей сознательности, ибо, отвергая мать, она отвергает все смутное, инстинктивное, неоднозначное и бессознательное в своей природе. Благодаря ясному рассудку, объективности и маскулинности, женщина этого типа часто занимает важные должности, где ее с запозданием обнаруженные материнские качества вкупе с холодным интеллектом оказывают самое благотворное влияние. Эта редкая комбинация феминности и мужского разума весьма ценна как в области интимных отношений, так и в практической сфере. Как духовный наставник и советчик мужчины такая женщина, оставаясь неизвестной миру, может играть в высшей степени влиятельную роль. Мужскому уму легче понять ее, чем женщин с другими формами материнского комплекса; по этой причине мужчины часто наделяют ее проекцией положительных комплексов матери. Чрезмерно женственная женщина пугает мужчин с материнским комплексом, для которого характерна высокая чувствительность. Эта женщина, напротив, не пугает мужчину; более того, она

строит мост для мужского разума, по которому тот может безопасно переправить свои чувства на противоположный берег. Ее понятливость внушает ему уверенность — фактор, который не следует недооценивать и который отсутствует в отношениях между мужчиной и женщиной гораздо чаще, чем можно представить. Эрос мужчины ведет не только наверх, но и вниз — в жуткий темный мир Гекаты и Кали, ужасающий любого разумного человека. Способность к пониманию, присущая женщине данного типа, становится для мужчины путеводной звездой во мраке и бесконечных лабиринтах жизни.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

187

Из сказанного ясно: в конечном итоге, и мифология, и наблюдаемые эффекты комплекса матери, очищенные от сбивающих с толку деталей, указывают на бессознательное как на свой источник. Как еще человеку могло прийти в голову разделить космос, по аналогии с днем и ночью, летом и зимой, на светлый дневной мир и темный мир ночи, населенный фантастическими чудовищами, если только прототипа такого деления не было в нем самом, в полярности между сознанием и невидимым, неизвестным бессознательным? Вос-

приятие объектов у первобытного человека лишь частично обусловлено объективным поведением самих вещей; гораздо более значимую роль зачастую играют внутриспсихические факты, связанные с внешними объектами только посредством проекции¹. Это объясняется просто: первобытный человек еще не испытал той аскетической дисциплины ума, которая известна нам как критика знания. Для него мир — более или менее текучий феномен в потоке его собственной фантазии, где субъект и объект недифференцированы и находятся в состоянии взаимопроникновения. «Все, что снаружи, также и внутри», — можем сказать мы вместе с Гёте. Но это «внутри», которое современный рационализм так рьяно стремится вывести из «снаружи», обладает *априорной* структурой, которая предшествует всякому сознательному опыту. Совершенно невозможно понять, как «опыт» в самом широком смысле или, если уж на то пошло, нечто психическое может возникать исключительно из внешнего мира. Душа — часть сокровенной тайны жизни; как и всякий организм, она обладает своей особенной структурой и формой. Вопрос о «происхождении» этой психической структуры и ее элементов, то есть архетипов, носит

¹ [См. выше: «Архетипы коллективного бессознательного», абз. 7. — *Примеч. ред.*]

метафизический характер, а потому не имеет ответа. Структура — нечто данное, предусловие, которое заведомо присутствует в каждом случае. Это *мать*, матрица — форма, в которую вливается весь прочий опыт. С другой стороны, *отец* репрезентирует *динамику* архетипа, ибо архетип состоит как из формы, так и из энергии.

188

Носителем архетипа является в первую очередь личная мать, ибо на начальных стадиях жизнь ребенка неотделима от нее и представляет собой состояние бессознательной идентичности. Она — и психическое, и физическое предусловие ребенка. С пробуждением эго-сознания связь между ними ослабевает, и сознание вступает в противоречие с бессознательным, то есть своей собственной предпосылкой. Это ведет к дифференциации эго и матери, личные качества которой становятся все более отчетливыми. Все сказочные и мистические качества, ассоциированные с ее образом, тускнеют и переносятся на наиболее близкого к ней человека, например бабушку. Как мать матери она «более великая»; она поистине есть «праматерь» или «Великая Мать». Нередко она приобретает атрибуты как мудрости, так и ведьмы, ибо чем больше архетип удаляется от сознания, чем яснее становится

последнее, тем отчетливее становятся мифологические черты, которые приобретает архетип. Переход от матери к бабушке означает, что архетип поднимается на более высокий уровень. Особенно ярко это проявляется в представлениях батаков. Так, погребальное жертвоприношение в честь умершего отца достаточно скромно и состоит из обычной еды. Но если у сына есть собственный сын, тогда отец становится дедом, а значит, достигает более почетного ранга в потустороннем мире, тем самым требуя более существенных подношений¹.

189 По мере расхождения сознания и бессознательного, более высокий ранг бабушки превращает ее в «Великую Мать», и противоположности, которые содержатся в этом образе, часто распадаются. Тогда мы получаем добрую и злую фею или милостивую богиню и богиню злобную и опасную. В западной античности и особенно в восточных культурах противоположности нередко остаются объединенными в одной фигуре, хотя этот парадокс вовсе не тревожит первобытный ум. Легенды о богах так же полны противоречий, как и их моральный облик. На Западе парадоксальное поведение и нравственная амбивалентность богов

¹ Warnecke, *Die Religion der Batak*.

стали камнем преткновения уже в древности и породили критику, которая в конечном счете привела к девальвации обитателей Олимпа, с одной стороны, и их философской интерпретации, с другой. Наиболее ярким проявлением этого, пожалуй, является христианская реформация иудейского понятия бога: нравственно амбивалентный Яхве стал исключительно хорошим Богом, тогда как все зло было объединено в дьяволе. Складывается впечатление, что развитие функций чувствования в западном человеке заставило его сделать выбор, который привел к нравственному расщеплению божественного на две половины. На Востоке преимущественно интуитивная интеллектуальная установка не оставляла места для чувственных ценностей, и боги, в частности Кали, смогли сохранить свой изначально парадоксальный нравственный облик. Таким образом, Кали — представитель Востока, а Мадонна — Запада. Последняя окончательно утратила тень, которая, хоть и на расстоянии, по-прежнему следовала за ней в аллегориях Средневековья. Она была перенесена в ад, где сейчас влачит ничтожное существование в качестве чертовой бабушки¹. Благодаря развитию чувственных ценностей, величие «светлого» бога было уси-

¹ [Распространенная фигура речи в немецком языке. — *Примеч. ред.*]

лено сверх меры, в то время как тьма, олицетворяемая дьяволом, локализовалась в человеке. Этому странному сдвигу главным образом способствовало то, что христианство, напуганное манихейским дуализмом, изо всех сил стремилось сохранить свой монотеизм. Поскольку отрицать реальность тьмы и зла было невозможно, не оставалось других альтернатив, кроме как взвалить ответственность за них на человека. Даже дьявол был в значительной мере, если не полностью, упразднен; в итоге эта метафизическая фигура, ранее составлявшая неотъемлемую часть бога, оказалась интроецирована в человека, который с тех пор стал подлинным носителем *mysterium iniquitatis*: «omne bonum a Deo, omne malum ab homine». В последнее время такое представление претерпело поистине дьявольские изменения; сегодня волк в овечьей шкуре нашептывает на ухо каждому, что зло на самом деле является не чем иным, как неправильно понятым добром и эффективным инструментом прогресса. Мы полагаем, что мир тьмы таким образом был уничтожен навсегда. Никто не понимает, какой это яд для человеческой души. Тем самым человек превращается в дьявола, ибо дьявол — это половина архетипа, чья непреодолимая власть заставляет даже неверующих восклицать «О Господи!» по каждому подхо-

дящему и неподходящему случаю. По возможности человеку всегда следует избегать идентификации с архетипом, ибо, как свидетельствуют психопатология и некоторые современные события, последствия будут ужасны.

190

Западный человек духовно опустился на столь низкий уровень, что вынужден отрицать, так сказать, апофеоз неукротенной и неукротимой психической силы — божественность как таковую, — с тем чтобы, заглотнув зло, одолеть еще и добро. Если вы внимательно и вдумчиво (в психологическом плане) прочтете «Заратустру» Ницше, вы увидите, что он с редкой последовательностью и страстью подлинно верующего изобразил психологию «сверхчеловека», для которого Бог мертв и который сам разорван на части, ибо пытался заключить божественный парадокс в узкие рамки смертного. Гёте мудро сказал: «Какой же ужас должен охватить сверхчеловека!» — и в ответ получил лишь надменную улыбку филистеров. Его прославление Матери, которая столь велика, что может вместить в себя и Царицу Небесную, и Марию Египетскую, представляет собой высшую мудрость и является в высшей степени значимым для любого, кто размышляет о ней. Но чего можно ждать

в век, когда официальные представители христианства открыто заявляют о своей неспособности постичь основы религиозного опыта! Следующее я извлек из статьи одного протестантского богослова: «Мы понимаем себя — будь то натуралистически или идеалистически — как *однородных существ, которые не настолько разделены, чтобы чуждые силы могли вмешаться в нашу внутреннюю жизнь*, как это предполагает Новый Завет» (курсив мой)¹. Автору очевидно неизвестно, что наука уже более чем полвека тому назад продемонстрировала неустойчивость и способность к диссоциации человеческого сознания и доказала это экспериментально. Наши сознательные намерения постоянно нарушают и сводят на нет в большей или меньшей степени бессознательные вторжения, причины которых поначалу кажутся странными. Психика отнюдь не является однородным целым — напротив, она представляет собой кипящий котел противоречивых импульсов, сдерживающих факторов, аффектов; для многих людей конфликты между ними столь невыносимы, что они мечтают о спасении, проповедуемом богословами. Спасении от чего? Очевидно, от в высшей степени сомнительного психического состояния. Един-

¹ Buri, «Theologie und Philosophie», стр. 117. [Цит. по: Rudolf Bultmann. — *Примеч. ред.*]

ство сознания или так называемой личности отнюдь не реальность, а лишь желаемое. Я до сих пор помню некоего философа, который бредил этим единством и консультировался со мной по поводу своего невроза: у него была навязчивая идея, будто он болен раком. Я не знаю, скольких специалистов он повидал и сколько рентгеновских снимков сделал. Все они уверяли, что у него нет рака. Он сам однажды сказал мне: «Я знаю, что у меня нет рака, но он мог бы у меня быть». Кто ответственен за эту «воображаемую» идею? Конечно же, не он сам ее создал; эту мысль ему навязала «чуждая» сила. Между этим состоянием и состоянием человека Нового Завета небогатый выбор. Верите ли вы в демона воздуха или в фактор бессознательного, который играет с вами дьявольские шутки, мне все равно. И в том и в другом случае факт остается фактом: воображаемое единство человека находится под угрозой чуждых сил. Теологам следует учесть эти психологические факты, вместо того чтобы продолжать «демифологизировать» их с помощью рационалистических объяснений, которые устарели еще сто лет назад.

* * *

191 Выше я попытался дать краткий обзор психических явлений, которые можно объяснить

доминированием образа матери. Хотя я не во всех случаях заострял на них внимание, мой читатель, вероятно, без труда узнает черты, характеризующие Великую Мать мифологически, причем даже тогда, когда они скрываются под видом персоналистической психологии. Когда мы просим пациентов, находящихся под сильным влиянием образа матери, выразить словами или нарисовать, что для них означает «мать», — будь то в позитивном или негативном ключе, — мы неизменно получаем символические фигуры, которые необходимо рассматривать как прямые аналогии мифологического образа матери. Эти аналогии ведут нас в область, которая по-прежнему требует самого пристального изучения. Во всяком случае, лично я едва ли могу высказать о ней что-либо определенное. Если я все же рискну предложить некоторые суждения по этому поводу, то их следует рассматривать как сугубо условные и предварительные.

¹⁹² Прежде всего я хотел бы отметить, что образ матери в мужской психологии по своему характеру кардинально отличается от такового в женской психологии. Для женщины мать олицетворяет ее собственную сознательную жизнь, обусловленную ее полом. Для мужчины мать олицетворяет нечто чуждое, нечто, что

ему еще только предстоит испытать и что наполнено образами, дремлющими в бессознательном. По этой причине (хотя, возможно, существуют и другие) образ матери у мужчины существенно отличается от образа матери у женщины. Для мужчины мать с самого начала несет явный символический смысл, чем, вероятно, и объясняется его выраженная склонность к ее идеализации. Идеализация — это скрытый апотропаизм; человек идеализирует тогда, когда есть тайный страх быть изгнанным. В действительности же он боится бессознательного и его магического влияния¹.

193 В то время как для мужчины мать имеет *ipso facto* символическое значение, для женщины она становится символом только в ходе ее психологического развития. Как ни удивительно, опыт показывает, что в мужской психологии доминирует образ матери, подобной Урании, тогда как у женщины чаще всего встречается хтонический тип (или Мать-Земля). В течение манифестной фазы архетипа происходит почти полная идентификация. В отличие от мужчины (за исключением психотических случаев),

¹ Очевидно, дочь также может идеализировать свою мать, но для этого требуются особые обстоятельства, в то время как для мужчины идеализация — почти нормальное явление.

женщина может идентифицировать себя непосредственно с Матерью-Землей. Как показывает мифология, одна из особенностей Великой Матери заключается в том, что она часто появляется в паре со своим аналогом мужского пола. Соответственно, мужчина идентифицирует себя с сыном-любовником, облагодетельствованным Софией, с *puer aeternus* или *filius sapientiae*. Однако спутником хтонической матери является прямо противоположное: итифаллический Гермес (египетский Бэс) или лингам. В Индии этот символ наделен высшим духовным значением, впрочем, как и Гермес на Западе — одна из наиболее противоречивых фигур в эллиническом синкретизме, ставшая источником важнейших духовных процессов в западной цивилизации. Он также бог откровения, а в неофициальной натурфилософии раннего Средневековья — не что иное, как сам Нус, творец мира. Вероятно, наиболее точно эта тайна выражена в *Tabula smaragdina*: «omne superius sicut inferius» (как наверху, так и внизу).

194 Как только мы касаемся этих идентификаций, мы вступаем в царство сизигий, парных противоположностей, где Одно неотделимо от Другого, от своей антитезы. Это та область личных переживаний, которая ведет напрямую

к опыту индивидуации, к обретению самости. Огромное количество символов данного процесса можно найти в западной средневековой литературе, но еще больше — в сокровищнице восточной мудрости, однако в этом вопросе слова и идеи мало что значат. Более того, они представляют опасность, ибо могут увести в сторону. В этой по-прежнему очень туманной области психологического опыта, где мы находимся в непосредственном контакте, так сказать, с архетипом, его психическая сила ощущается в полной мере. Это царство непосредственного опыта, которое не может быть описано никакой формулой; на него можно лишь намекнуть тому, кто уже знает о нем. Такому человеку не нужны объяснения, чтобы понять борьбу противоположностей, выраженную Апулеем в его блистательной молитве Царице Небесной, в которой он связывает «божественную Венеру» с «Прозерпиной, страшной в своем ночном вое»¹: таков был устрашающий парадокс первичного образа матери.

* * *

¹⁹⁵ Когда в 1938 году я написал эту работу, я, естественно, не знал, что двенадцать лет

¹ «Nocturnis ululatus horrenda Proserpina». См.: *Символы трансформации*, абз. 148.

спустя христианская версия архетипа матери будет вознесена до уровня догматической истины. Христианская «Царица Небесная» стряхнула, очевидно, все свои олимпийские качества, кроме яркости, доброты и вечности; даже ее человеческое тело — аспект, наиболее подверженный грубому материальному искажению, — приобрело небесную нетленность. Тем не менее разнообразные аллегории Божией Матери сохранили некоторую связь с ее языческими прообразами в Исиде (Ио) и Семеле. Не только Исида и младенец Гор являются иконологическими образами, но и восхождение на Олимп Семелы, первоначально смертной матери Диониса, предвосхищают Вознесение Девы Марии. В дальнейшем сын Семелы, бог умирающий и возрождающийся, становится самым молодым из олимпийских богов. Сама Семела кажется земной богиней, точно так же как Дева Мария является землей, из которой родился Иисус. Если так, то для психолога естественно возникает вопрос: что произошло с характерной для образа матери связью с землей, тьмой, с той бездной внутри телесного человека, в которой коренятся его животные страсти и инстинктивная природа, а также связью с «материей» вообще? Провозглашение догмы приходится как раз на то время, когда достижения науки и технологии вку-

пе с рационалистическим и материалистическим мировоззрением грозят мгновенным уничтожением духовному и психическому наследию человека. В страхе и гипнотическом ужасе человечество вооружается, дабы однажды совершить чудовищное преступление. Легко могут возникнуть обстоятельства, когда водородную бомбу все же придется использовать, и тогда то, о чем страшно даже подумать, станет неизбежным как оправданная самозащита. Воцарение Божьей Матери в небе выглядит разительным контрастом по сравнению с этим катастрофическим вариантом развития событий; на самом деле ее Вознесение фактически было истолковано как умышленный контрудар по материалистическому доктринерству, который и вызвал бунт хтонических сил. Подобно тому, как появление Христа в свое время породило дьявола и противника Бога из того, кто вначале был Его сыном и обитал на небесах, так сейчас божественная фигура откололась от первоначального хтонического царства и оказалась в контрпозиции по отношению к высвобожденным титаническим силам земли и преисподней. Как Божья Мать лишилась всех существенных качеств материальности, так и материя — души, и это в то время, когда физика вплотную приблизилась к открытиям, которые если не окончательно

«дематериализируют» материю, то по крайней мере наделят ее собственными качествами и поднимут вопрос о ее связи с психикой. Подобно тому, как колоссальный прогресс науки привел вначале к преждевременному низложению разума и к равно опрометчивому обожествлению материи, тяга к научным знаниям позволит построить мост над огромной пропастью, разделяющей два *Weltanschauungen*. Психолог склонен видеть в догмате Вознесения символ, который, в некотором смысле, предвосхищает этот процесс. Для него связь с землей и материей является одним из неотъемлемых качеств архетипа матери. Когда обусловленный этим архетипом образ представляется вознесенным на небо, в царство духа, то это свидетельствует о союзе неба и земли, материи и духа. Естественные науки почти наверняка подойдут к этому с другой стороны: в самой материи они увидят эквивалент духа, но этот «дух» будет лишен всех (или по крайней мере большинства) своих качеств, подобно тому как земная материя была лишена своих специфических черт перед восхождением на небо. Тем не менее путь для союза двух принципов будет постепенно расчищен.

¹⁹⁶ Вознесение является абсолютной противоположностью материализма. В этом конкрет-

ном смысле оно представляет собой контрудар, который не только не ослабляет напряжения между противоположностями, но и доводит его до крайности.

197

В символическом смысле, однако, Вознесение тела означает осознание и признание материи, отождествляемой со злом лишь в силу преимущественно «пневматической» тенденции в человеке. Сами по себе дух и материя нейтральны или, скорее, «*utriusque sарах*» — то есть способны к тому, что человек называет добром и злом. Хотя как названия они в высшей степени относительны, в их основе лежат абсолютно реальные противоположности, которые являются частью энергической структуры физического и психического миров и без которых невозможно никакое существование. Нет утверждения без отрицания. Вопреки или, наоборот, из-за крайней степени их противостояния друг другу ни одно не может без другого. Именно это сформулировано в классической китайской философии: *янь* (светлое, теплое, сухое, мужской принцип) содержит в себе семя *инь* (темное, холодное, сырое, женский принцип), и наоборот. Следовательно, в материи содержится семя духа, а в духе — семя материи. Давно известные явления «синхронии», которые теперь получили статисти-

ческое подтверждение благодаря экспериментам Райна¹, указывают, судя по всему, в этом направлении. «Психизация» материи ставит под вопрос абсолютную нематериальность духа, ибо предполагает некую субстанциональность. Догмат о Вознесении, провозглашенный в эпоху, отмеченную величайшей в истории политической ересью, представляет собой компенсаторный симптом, который отражает стремление науки к единообразной картине мира. В определенном смысле оба этих процесса предвосхитила алхимия в *hieros gamos* противоположностей, но только в символической форме. Тем не менее этот символ способен объединить гетерогенные или даже несоизмеримые факторы в *единый* образ. С упадком алхимии символическое единство духа и материи распалось, в результате чего современный человек утратил свои корни и оказался в чуждом ему мире, лишенном души.

198 Алхимик видел союз противоположностей в символе дерева. Отсюда неудивительно, что бессознательное современного человека, который больше не чувствует себя в мире как дома и не может основывать свое существование ни на прошлом, которое уже было, ни на

¹ См. мою работу «Синхрония: акаузальный объединяющий принцип».

будущем, которому только предстоит быть, должно вернуться к исходному символу космического древа, укорененного в этом мире и тянущегося ввысь, — древа, которое и есть сам человек. В истории символов это древо описывается как жизненный путь, вращение в то, что вечно и неизменно; то, что возникает из союза противоположностей и своим вечным присутствием делает этот союз возможным. Складывается впечатление, что только через переживание символической действительности человек, тщетно ищущий собственное «существование» и превращающий его в философию, может найти обратный путь в мир, в котором он не будет чужим.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Архетипы коллективного бессознательного . . .	3
II. Концепция коллективного бессознательного .	83
1. <i>Определение.</i>	85
2. <i>Психологическое значение</i> <i>коллективного бессознательного</i>	87
3. <i>Метод доказательства</i>	98
4. <i>Пример.</i>	101
III. Об архетипах с особым вниманием к понятию анимы	109
IV. Психологические аспекты архетипа матери	149
1. <i>О понятии архетипа</i>	151
2. <i>Архетип матери</i>	162
3. <i>Материнский комплекс</i>	168
<i>А. Материнский комплекс у сына . . .</i>	169

В. Материнский комплекс у дочери . . .	173
<i>a. Гипертрофия материнского</i>	
<i>элемента</i>	173
<i>b. Чрезмерное развитие Эроса</i>	175
<i>c. Идентификация с матерью</i>	177
<i>d. Сопротивление матери</i>	179
С. Положительные аспекты	
материнского комплекса	182
<i>a. Мать</i>	182
<i>b. Чрезмерное развитие Эроса</i>	187
<i>c. «Только» дочь</i>	191
D. Негативный материнский	
комплекс	194
4. Заключение	197

Печатается по полному собранию сочинений
К.Г. Юнга. том 9.
«Архетипы и коллективное бессознательное»,
М.: Издательство АСТ, 2019 г.
Серия «Философия Neoclassic»

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛНОГО ИЗДАНИЯ

I. Архетипы коллективного бессознательного

II. Концепция коллективного бессознательного

- 1. Определение*
- 2. Психологическое значение
коллективного бессознательного*
- 3. Метод доказательства*
- 4. Пример*

III. Об архетипах с особым вниманием к понятию анимы

IV. Психологические аспекты архетипа матери

1. О понятии архетипа
2. Архетип матери
3. Материнский комплекс
 - А. Материнский комплекс у сына

- В. Материнский комплекс у дочери
 - a. Гипертрофия материнского элемента*
 - b. Чрезмерное развитие Эроса*
 - c. Идентификация с матерью*
 - d. Сопротивление матери*
- С. Положительные аспекты материнского комплекса
 - a. Мать*
 - b. Чрезмерное развитие Эроса*
 - c. «Только» дочь*
- Д. Негативный материнский комплекс

4. Заключение

V. О возрождении

- 1. Формы возрождения
 - α. Метемпсихоз*
 - β. Реинкарнация*
 - γ. Воскрешение (resurrectio)*
 - δ. Возрождение (renovatio)*
 - ε. Участие в процессе трансформации*
- 2. Психология возрождения
 - А. Переживания трансцендентности жизни
 - α. Переживания, вызванные ритуалом*
 - β. Непосредственные переживания*
 - В. Субъективная трансформация
 - α. Сужение личности*
 - β. Расширение личности*

- γ. *Изменение внутренней структуры*
- δ. *Идентификация с группой*
- ε. *Идентификация с героем культа*
- ζ. *Магические процедуры*
- η. *Техническая трансформация*
- θ. *Естественная трансформация*
(индивидуация)

3. Типичный ряд символов, иллюстрирующих процесс трансформации

VI. Психология архетипа ребенка

1. Введение

2. Психология архетипа ребенка

- а. Архетип как связующее звено с прошлым
- б. Функция архетипа
- с. Будущность архетипа
- д. Единство и множественность мотива ребенка
- е. Ребенок-бог и ребенок-герой

3. Специальная феноменология архетипа ребенка

- а. Покинутость ребенка
- б. Непобедимость ребенка
- с. Гермафродитизм ребенка
- д. Ребенок как начало и конец

4. Заключение

VII. Психологические аспекты Кору

- a. Случай X
- b. Случай Y
- c. Случай Z

VIII. Феноменология духа в сказках

Введение

- a. О слове «дух»
- b. Саморепрезентация духа в сновидениях
- c. Дух в сказках
- d. Териоморфная символика духа в сказках
- e. Постскрипtum
- f. Приложение
- g. Заключение

IX. О психологии образа трикстера

X. Сознательное, бессознательное и индивидуация

XI. Об эмпирике процесса индивидуации

XII. О символике мандалы

Приложение. Мандалы

Библиография

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Юнг Карл Густав
Архетипы и коллективное бессознательное

Редактор *Е. Данышина*
Корректор *Р. Кузина*
Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 31.10.2019. Формат 76x100/₃₂.
Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Усл. печ. л. 9,85. Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. I, 7 этаж.

Наш электронный адрес: **www.ast.ru**. Интернет-магазин: **www.book24.ru**.
E-mail: **neoclassic@ast.ru**. ВКонтakte: **vk.com/ast_neoclassic**.

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, I кұрылым, 705 бөлме, пом. I, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжаймыз: **www.ast.ru**

Интернет-магазин: **www.book24.kz** Интернет-дүкен: **www.book24.kz**
Импортёр в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ., Домбровский көш., 3«а», Б. литері офис I. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: **RDC-Almaty@eksmo.kz**, **www.book24.kz**

Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2019
Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

